

ОЛЕГ ВОЛХОВСКИЙ

ЧЕТВЁРТОЕ ОТРЕЧЕНИЕ

ТОМ I

АПОСТОЛЫ

Четвертое отречение

Олег Волховский

Четвертое отречение 1 (Апостолы)

«Автор»

2026

Волховский О.

Четвертое отречение 1 (Апостолы) / О. Волховский — «Автор», 2026 — (Четвертое отречение)

Однажды утром в дверь программиста Петра Болотова звонит следователь Святейшей Инквизиции. С этого момента его прежняя жизнь заканчивается. Мир стремительно меняется. Человек, называющий себя Эммануилом, творит чудеса и собирает вокруг себя последователей. Его армия распространяет новую веру по планете — и не только проповедями. Там, где появляются войска Мессии, вспыхивают войны, рушатся государства и начинается создание глобальной религиозной империи. Пётр и несколько таких же случайных людей оказываются среди избранных — апостолов нового учителя. Им поручают опасные задания, их бросают в самый центр происходящих событий, и постепенно они понимают: служение истине может оказаться куда страшнее, чем любая война. Но главный вопрос возникает позже: кем на самом деле является тот, кому они служат? «Апостолы» — первая часть романа «Люди огня», история о вере и сомнении, о чудесах, которые могут оказаться благословением... или началом катастрофы.

Содержание

Книга 1. Апостолы	5
Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Олег Волховский

Четвертое отречение 1 (Апостолы)

Книга 1. Апостолы

Часть первая

*В океане истин не сыщешь брод,
И клубок дорог мне не расплести,
И я никуда не веду народ,
Потому что не знаю, куда вести.
Мне добро от зла отличить трудней,
Чем тома законников затвердить,
И меня не встретишь среди судей,
Потому что не знаю, за что судить.
Если ты мне друг – предавай скорей,
Хуже страх измен, чем их яд испить,
Не у чьих на жизнь не прошу дверей,
Потому что не знаю, кого просить.
Можно жить по вере назло врагам
И свободу духа на Путь сменить,
Только я никаким не молюсь Богам,
Потому что не знаю, о чем молить.*

Глава 1

Звонили в дверь, это точно. Я простонал и перевернулся на другой бок. Звонок повторился. «Кого там черти носят?» – проворчал я и открыл глаза. По экрану компьютера разлетались окна «Fenestrae¹-NT». Я зло нажал «geexeg²», и комп начал медленно перезагружаться. Что мы такое пили вчера? «Молоко Пресвятой Девы»? Или «Слезы Иисуса»? Или сначала одно, а потом другое? Звонок уже гудел не умолкая. Я наскоро натянул джинсы и, зевая, направился к двери.

– Кто там? – сонным голосом спросил я.

– Откройте! Святейшая Инквизиция!

Я пошатнулся и почувствовал лбом холод замка. Хуже могла быть только Смерть с косой собственной персоной. Я выпрямился и осторожно посмотрел в глазок. Да, сомнений быть не могло. Мужчина средних лет с этакой сладкой физиономией и воздетыми горе очами, словно в непрерывной молитве. Сразу видно: духовное лицо. К тому же одет в черную мантию инквизитора поверх белой сутаны. Из-под сутаны видны кроссовки, но, к сожалению, от этого не легче. Следователь Святейшей Инквизиции. Я чуть не застонал в голос. За спиной следователя два полицейских с автоматами. Любят же они солидность и внушительность! Я за пистолет-то не знаю, с какой стороны браться.

¹ Лат. окна.

² От лат. geexegare – «перевоздвигать, переустанавливать».

– Не отягчайте вашего положения, – почти ласково сказал инквизитор, и скривил пухлые красные губы. – Открывайте!

Я обреченно повернул ручку и медленно открыл дверь.

Они ворвались в комнату и сразу направились к компьютеру (по крайней мере, полицейские) а инквизитор взял меня за руку и аккуратно запер дверь, а потом повел в комнату.

– Но в чем моя вина? – возмущенно спросил я.

– Скоро узнаете. Кстати, меня зовут отец Александр.

– Но, отец Александр...

Священник строго посмотрел на меня.

– Вы, когда в последний раз исповедовались, молодой человек? – участливо поинтересовался он.

Я задумался.

– Не молчите. Это очень легко проверить по международному банку данных.

– Года два назад, – вздохнул я.

Отец Александр ждал чего-то еще.

– По «Интернету³», – обреченно добавил я.

– Вот именно! Вот вам и результат. Я всегда выступал против этих сетевых исповедей. И компьютеров, кстати, тоже, – он с отвращением посмотрел на мою горячо любимую, на мою незаменимую, ну в общем, на мою тачку. – Все это искушение Аримана! – торжественно заключил он.

Компьютер был отключен и упакован. Отец Александр рылся в книгах. Найдя пару сомнительных, по его мнению, компьютерных распечаток, он присовокупил их к персоналке.

– Ладно, потом я велю обыскать по-настоящему. Одевайтесь, молодой человек, мы уезжаем.

– Куда? – глупо спросил я.

– Увидите.

Привезли меня на Лубянку, конечно, в исконную инквизиторскую вотчину. Впрочем, в этом были и свои положительные моменты. Место, знаете ли, элитное: камеры не забитые, публика интеллигентная, крыс нет. Моим соседом оказался щуплый молодой человек с худым лицом, заостренным носом и глубоко посаженными серыми глазами. Он сидел в позе лотоса на жесткой тюремной кровати и, видимо, предавался размышлениям. Мое появление отвлекло его от этого увлекательного занятия. Он посмотрел на меня и доброжелательно улыбнулся.

– Андрей.

– Петр, – я пожал протянутую руку.

– Какими судьбами в наш заповедник?

– Гм... Чтоб я знал!

– Наверняка знаешь, только не догадываешься, – мудрено завернул мой сосед.

– А ты?

– Со мной все просто. Я кришнаит.

– Что? Ужас какой! – искренно испугался я.

– Ты еще скажи, что ты верный сын католической церкви, – усмехнулся кришнаит.

– Я верный сын католической церкви, – убежденно сказал я.

Мой сосед махнул рукой и вновь погрузился в медитацию.

Я выбрал кровать у окна, благо выбирать было из чего. Нас двое, а кровати три. Но окно было забрано плотной решеткой. Ничего не видно. Я встал на кровать и прильнул к нему вплотную.

– Там дальше должен быть Собор Святого Людовика, – печально проговорил я.

³ От лат. retis – сеть.

– Угу! Братья Иезуиты. Общество Иисуса. Чтоб их!..

– Не трогай иезуитов! Я у них учился.

– Правда?

– Да. В иезуитском колледже, что в Георгиевском переулке, напротив Госдумы. Мы с ребятами все прикидывали: если бросить бомбу из окна школы, долетит она дотуда или нет?

– Нашли, на что покушаться! Было бы там Московское представительство Святейшей Инквизиции... – мечтательно протянул он.

Мы оба вздохнули.

– А как ты туда попал, к иезуитам? – поинтересовался Андрей. – У тебя что, родители шишки?

– Да нет, просто голова на плечах... была... раньше...

– Это ты верно подметил.

Кришнаит Андрей оказался, в общем-то, неплохим парнем, несмотря на странные религиозные пристрастия. Мы даже ни разу не поругались. А все тюремные неприятности он переносил куда лучше, чем я. Отцы инквизиторы, верно, непрестанно заботились о спасении наших душ, так что пища была, мягко говоря, постной. Кришнаиту-то хоть бы хны. Не то, что мне. Отец Александр позабыл спросить, когда я в последний раз соблюдал пост.

Кстати, об отце Александре...

Утром третьего дня, часов в шесть (о времени можно было догадаться по тому, что по радио, вечно включенному на полную громкость, грянуло «Miserere⁴») дверь камеры открылась.

– На «Б» фамилия, – скучным голосом сказал тюремщик.

– Болотов, – отозвался я.

– На выход.

Меня повели вверх по неширокой боковой лестнице. Все это время я нагло держал руки в карманах куртки. Этаже на четвертом мы свернули в коридор, а потом меня втокнули в слабо освещенную комнату с низким потолком.

За длинным столом, на широкой скамье сидели инквизиторы в белых сутанах, подпоясанных веревками. Очевидно, доминиканцы. «Чтут, однако, традиции», – мрачно подумал я. Одного из них я узнал сразу – отец Александр. Он скромно сидел слева от лысоватого пожилого человека с зачесанными назад остатками волос и явно не был здесь главным. Старик показался мне знакомым. Третьим был смиренный молодой человек приятной наружности. Его я точно видел впервые. А у окна, где посветлее, пристроился нотариус, готовый записывать показания.

– Я вас представляю? – громким шепотом спросил у старика отец Александр. Тот слегка кивнул.

– Это отец Иоанн... Кронштадтский.

Я облизал губы и отступил на шаг. В комнате как-то сразу стало жарко. Да, я видел его на портрете в его книге и на фотографиях. Несколько успокаивало то, что отец Иоанн слыл человеком, в общем-то, неплохим, хотя и консервативным, и прославился, в основном, исцелениями. Сколько ему сейчас? Под двести? Мало для канонизации, но более, чем достаточно для того, чтобы доказать его святость. Обычные люди столько не живут! Только переживет ли он свое инквизиторство?

С некоторых пор великими инквизиторами стали назначать исключительно бессмертных для повышения авторитета инквизиции и смягчения нравов. Однако это не очень помогло. Бессмертие даётся за святость, но это служба, а не награда, поместье, а не вотчина. Если служба плоха – лен отбирается в казну. Святой, отошедший от святости, умирает. Некоторые из них столь рьяно брались за дело инквизиции, что умирали через несколько лет после вступления

⁴ Лат. помилуй (католическая молитва).

в должность, хотя прекрасно жили до этого лет по четыреста-пятьсот и были благополучно канонизированы. Но, как известно: «Кто погубит свою душу ради Меня, тот спасется». Кому еще взять это на вооружение, как ни святому?

Отец Александр любовался произведенным впечатлением.

– Стойте на месте, молодой человек, – устало сказал отец Иоанн. – И отвечайте на вопросы.

– Ваше имя? – строго спросил отец Александр. Как будто не знал!

– Петр Болотов.

– Где учились?

– Иезуитский колледж Святого Георгия и МГУ.

– Угу. Что вам известно о «Школе Ветра»?

Не так давно я скачал по «Интеррету» прелюбопытную книжку «Как вести себя на допросах святейшей инквизиции». Там содержалось несколько дельных советов, которые я честно выучил. Во-первых, не говорить явной неправды; во-вторых, не отрицать очевидных фактов; в третьих, вообще говорить поменьше, основными ответами должны быть «не помню» и «не знаю», ну и, наконец, никогда и ни при каких обстоятельствах не признавать себя виновным.

Я задумался. Мне было известно о «Школе Ветра».

– Да, где-то слышал.

– От кого слышали?

– Не помню.

– Не запирайтесь, Петр, – укоризненно проговорил отец Александр. – Нам многое известно. – а Иоанн посмотрел на меня горящими глазами. Я опустил взгляд.

– Покажи ему, – кивнул своему помощнику бессмертный.

Отец Александр изящно поднял со стола какую-то фотографию и повернул ее ко мне. «Тьфу, черт! Чтоб их!»

– Я вижу, что вы узнали, – протянул священник. – Это Наталья Ильченко – глава «Школы Ветра». Фотография найдена в вашем архиве.

– Да был я там пару раз! – взорвался я. – Быстро надоело. Болтовня одна!

– Вот с этого и надо было начинать, – спокойно заметил отец Александр и кивнул нотариусу. – Обвиняемый признался, что он участвовал в работе магической «Школы Ветра». Признание в колдовстве.

– Да какое колдовство! – возмутился я. – Ерунда все это.

– Вы так думаете? – поинтересовался отец Александр и удивленно поднял брови, а отец Иоанн печально посмотрел мне в глаза.

– Это еще не все, молодой человек, – проговорил бессмертный. – Расскажите нам об «Ordo viae⁵».

Я облизал губы.

– «Ordo viae», – четко разделяя слова, уточнил отец Александр.

Ох! «Ordo viae» был самопальный католический орден, обретавшийся в городе Екатеринбурге. Основан он был довольно странной молодой парой, жившей, по слухам, ангельским чином. В остальном, впрочем, то были люди весьма приятные и интересные в общении. Вот уж о ком мне ни в коем случае не хотелось бы докладывать инквизиции!

– Первый раз слышу, – нагло соврал я.

– Петр, – проникновенно проговорил отец Александр. – У нас уже достаточно оснований, для того, чтобы примерно наказать вас. Но насколько это будет тяжкое наказание, зависит от вашей искренности. Будьте искренни! Для вас еще не все потеряно. Вы же не нераскаянный еретик. Мы прекрасно понимаем, кто такой вы, и кто такие они.

⁵ Лат. орден пути.

Я молчал.

– А вы знаете, что этот так называемый католический орден занимался распространением богомерзких писаний некоего Кира Глориса? Ваши друзья неделю назад арестованы в этом осином гнезде разврата, этом рассаднике ересей Екатеринбурге!

Мне стало нехорошо, но я все еще твердо помнил великую заповедь арестанта: «не верь!» и взял себя в руки. Плохо было то, что это говорил бессмертный, а они очень редко лгут, и только при большой необходимости.

– Петр, – снова заговорил отец Александр. – Мы просмотрели историю ваших походов по «Интернету». Вы бывали на екатеринбургских ситусах⁶ и вели переписку с «Ordo viae».

Я был растерян. Мне надо было остаться одному и собраться с мыслями. Отрицать все, вероятно, бессмысленно. Но говорить можно только то, что им и так известно. Я попытался вспомнить свою переписку.

Отец Александр внимательно смотрел на меня.

– Считайте, что это исповедь, Петр. Вам надо облегчить душу. Вам надо очиститься. А вы только больше грешите ложью, гордыней и несмирением. Вы должны быть покорны католической церкви!

– Я верный католик!

– Тогда мы вас слушаем... – отец Александр сделал паузу, но она осталась незаполненной. – Что ж, – печально продолжил он, – тогда я должен с глубоким прискорбием сообщить вам, что мы будем вынуждены допросить вас по-другому, – он изучающе посмотрел на меня. – Завтра. Пока мы с вами расстаемся.

– Уведите! – приказал он полицейскому, стоявшему у двери за моей спиной.

Тюремный коридор был ярко освещен. Грязно-оранжевые двери камер на фоне отвратительной зелени стен. Мою камеру приоткрыли ровно настолько, чтобы я мог в нее протиснуться, наверное, чтобы больше никто не убежал. Я вошел и открыл рот.

Мой сосед кришнаит висел сантиметрах в двадцати над кроватью все в той же позе лотоса, и вид имел отрешенный. Между ним и кроватью ничего не было. Я готов в этом поклясться! Глаза были полузакрыты, но грохот запираемой двери вывел его из оцепенения. Он посмотрел на меня и медленно опустил на одеяло.

– Я созерцал Вселенский Образ Господа Кришны, – извиняющимся тоном объяснил он.

– Но ты же... Этого не может быть! Если только ты...

– Если только я не бессмертный? Среди верных Господа Кришны немало бессмертных, но я еще молод. Рано об этом говорить.

– Этого не может быть, – повторил я. Конечно, бессмертные могли подниматься над землей в церкви во время службы. Но то святые, им положено. Но кришнаит!

– Бессмертия могут достичь только те, кто верует в Иисуса Христа! – упрямо провозгласил я.

– Это отцы иезуиты тебя научили?

Я промолчал. В общем-то, конечно, кто же еще?

– Ну как ты? – участливо поинтересовался Андрей. – О чем тебя спрашивали?

Я сразу вспомнил обстоятельства допроса и в отчаянии ударил кулаком по кровати.

– Меня сожгут, – обреченно сказал я. – А сначала будут пытаться.

– Не мели чепухи! Уже лет триста никого не сжигали. Обвинение-то какое?

– Колдовство. И связь с одним незарегистрированным орденом.

– Ты что, убил кого-нибудь? – испугался кришнаит.

– Нет, конечно. Просто ходил на одну оккультистскую тусовку.

⁶ Ситус – то же, что в нашем мире сайт. От латинского "situs" – место, расположение.

– Хм... Если они будут заниматься каждой оккультистской тусовкой, у них крыша поедет. Что-то здесь не то... Петр, видишь скомканную бумагу на столе?

– Ну?

– Подожди!

– Мне не оставили спичек.

– Идиот! Взглядом подожди!

– Ты что смеешься?

Андрей внимательно посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на бумагу, и она мгновенно вспыхнула.

– Колдун хренов! – сделал он очевидный вывод о моих магических способностях. – Ладно, еще о чем спрашивали? – как ни в чем не бывало, продолжил он. – Что за орден?

– «Ordo viae». Есть такой в Екатеринбурге.

– В Екатеринбурге, говоришь? – он призадумался, потом полез под подушку и извлек оттуда слегка помятый журнал.

«Вестник Святейшей Инквизиции» – с удивлением прочитал я.

– Ты читаешь эту гадость?

– Другого здесь не дают, приходится довольствоваться малым. Здесь статья интересная. Про какого-то екатеринбургского пророка. Толпы собирает, чудеса творит, мертвых воскрешает. Нет, они конечно пишут, что все это обман и дьявольская прелесть, и предостерегают верующих. Но тебе не кажется странным совпадение? Там Екатеринбург, здесь Екатеринбург.

– Это большой город.

– Да, но инквизиторов гораздо больше интересуют новоявленные мессии, а не тусовки и не благословленные ордена, а мир тесен, знаешь ли.

– Ну и чем это для меня кончится?

– Очевидно. Выжмут из тебя все, что имеет хоть какое-то отношение к этому парню, и отправят на исправление куда-нибудь в Оптину Пустынь месяцев на шесть.

– А пытки?

– Брось! Максимум, что тебе грозит – это детектор лжи.

– Да откуда ты все это знаешь, «бхакт⁷ и друг»?

– Экий ты эрудированный. Я здесь давно. У меня сменилось много соседей. Насмотрелся я на вас.

– Давно, это сколько?

– Три года.

Я оторопел.

– Но это же предварительное заключение!

– А что еще со мной делать? В монастырь отправлять смешно – я иноверец. Казнить? Времена не те. Между прочим, тюрьма очень эффективно сжигает дурную карму и добавляет тапаса.

И он вновь принял позу лотоса, положил руки на колени ладонями вверх и погрузился в медитацию.

А ночью началась гроза, странная какая-то гроза, неправильная. Небо не гасло ни на секунду от частых молний, а раскаты грома слились в один непрерывный гул, смешанный с ревом ветра. Вдруг у нас в камере погас свет, тусклый тюремный свет, который не выключали ни днем, ни ночью. Это нас жутко обрадовало. Наконец-то можно поспать спокойно. Пусть уж лучше гроза.

А утром меня снова повели на допрос, но на этот раз мы ни поднимались вверх, а спускались вниз, что, мягко говоря, не обнадеживало. В небольшой комнате без окон с голыми

⁷ Санскр. друг, возлюбленный.

каменными стенами, освещенными мертвенно-бледным электрическим светом, меня встретил отец Александр. Других инквизиторов не было, только еще какой-то молодой монах с печальными глазами, неизменный нотариус да невысокий полный человек, вида весьма цивилизованного.

– Ну, надумали говорить? – поинтересовался отец Александр.

– Мне нечего вам сказать.

– Петр, я буду с вами откровенен. Вы сами не понимаете, во что ввязались, и ваши друзья тоже. Это дело чрезвычайной важности. Его курирует сам отец Иоанн, о нем известно папе! Вы думаете, что применение пыток – пустая угроза? Это не так! Несколько дней назад мы собирали совет, на котором было решено в данном случае отступить от трехвековых традиций увещевания и милосердия и вернуться к старинным методам допроса. У нас нет времени вас уговаривать! Возможно, уже поздно. Нет, дело конечно не в вас и даже не в «Ordo viae». Недавно в Екатеринбурге появился человек, который может представлять угрозу для всех. Он слишком опасен! Нас интересует все, что с ним связано.

Я заколебался. Друг кришнаит, как в воду глядел! Отец Александр заметил мои сомнения и впился в меня глазами.

– Назовите имена. Всех, кто общался с этим орденом. Вы им не повредите. Они нам нужны только, как свидетели.

«Нет! Им нельзя верить. Не раскисай!» – сказал я себе.

– Нет! – вслух сказал я.

Отец Александр обреченно развел руками.

– Ну, я сделал все, что мог, – сказал он сводам тюрьмы. – Читайте! – кивнул он нотариусу.

– Мы, судья и заседатели, – начал нотариус, – принимая во внимание результаты процесса, ведомого против тебя, Петра Болотова из Москвы, Московской епархии, пришли к заключению, после тщательного исследования всех пунктов, что ты в показаниях своих сбивчив и противоречив. Имеются к тому же различные улики. Их достаточно для того, чтобы подвергнуть тебя допросу под пытками. Поэтому мы объявляем и постановляем, что ты должен быть пытаем сегодня же в семь часов утра. Приговор произнесен.

Я прикинул, что до семи осталось минут пятнадцать. Хреново, однако! Ноги были, как ватные.

В этот момент сверху послышался шум и приглушенные крики. Отец Александр посмотрел на дверь.

– Идите, выясните, что там происходит, – приказал он одному из полицейских. – А мы идем вниз. Я не собираюсь терять время.

Мы спустились по узенькой каменной лестнице, освещенной таким же противным светом, и оказались в комнате, живо напояввшей мне эпизоды старинных романов. Раскаленные угли, щипцы, плети, «кошки»... Какие-то совершенно незнакомые мне приспособления. Признаться, только теперь я по-настоящему испугался.

– Вы хоть знаете, как всем этим пользоваться? – презрительно спросил я.

– Сохранились средневековые пособия. Там все расписано по пунктам со схемами и иллюстрациями. Очень доходчиво.

– Брат Лаврентий, поставь бульончику подогреть, пожалуйста, – обратился он к монашку. – Кстати, Петр, это доктор Фотиев, врач, – он кивнул в сторону полного человека в гражданском. – А то мы люди неопытные, переборщить можем.

Я сглотнул слюну. Нет, невозможно! Чтоб в наше время! Запугивают. Да и отец Александр не похож на палача. Хитрый, конечно, как бес, скользкий, как угорь, сладкий, как трупный запах. Но чтоб пытать!

Вернулся брат Лаврентий.

– Начинайте! – бросил ему отец Александр.

Меня молниеносно раздели, этот самый Лаврентий и один из полицейских, и связали руки за спиной. Я оторопел от неожиданности. Стало холодно и чертовски неудобно.

– Лаврентий, с чего обычно. Вы у нас уже не первый.

Я посмотрел на монашка. Слишком светлые глаза, нет, не печальные, показалось. Злые. Слишком светлые прямые волосы, слишком бледная кожа, слишком тонкие пальцы. Паук!

– Монах-палач! – воскликнул я.

– Что поделаешь, – печально ответил священник. – Профессионалов все равно не осталось. А брат Лаврентий – единственный из нас, кто согласился исполнить этот скорбный долг. Кстати, Петр, я забыл сказать. Вы в любой момент можете заявить, что хотите сделать признание. Пытка тогда будет немедленно остановлена.

Я почувствовал, что мои руки еще к чему-то привязывают. Дыба – понял я и ошарашенно посмотрел на отца Александра.

– Да, вы угадали, – сказал тот. – Вы ничего не хотите сказать?

– Нет, – вот теперь они точно ничего от меня не узнают – решил я. Веревка натянулась, ноги оторвались от пола, и я охнул от боли. Несколько секунд я не осознавал окружающего, но вдруг веревка ослабла, и я упал. Что-то изменилось. Казалось, ко мне потеряли интерес. Рядом с отцом Александром стоял тот самый полицейский, которого послали наверх узнать о причине шума, и что-то взволнованно объяснял ему. Лицо брата Лаврентия стало еще бледнее, хотя это казалось невозможным, а откуда-то сверху доносились крики и топот множества ног.

– Развяжите! – с досадой бросил священник палачу, но было уже поздно. В комнату ворвались какие-то люди, явно не имеющие отношения к духовенству. Они были вооружены и настроены весьма агрессивно. Худой жилистый человек, лет тридцати с лишним, вероятно предводитель, яростно смотрел на инквизиторов.

– Взять их! – крикнул он остальным, и толпа набросилась на отца Александра и брата Лаврентия. – Взять – я сказал, – повторил он, и его товарищи несколько расступились. Моих мучителей крепко держали под руки. По благообразному лицу отца Александра стекала струйка крови. – Вас будет судить тот, кто имеет на это право! – объявил он инквизиторам.

Только теперь на меня соблаговолили обратить внимание. Жилистый предводитель подбежал ко мне и совершенно другим тоном, испуганно спросил:

– Вас пытали?

Я кивнул.

– Сволочи!

Он достал нож и перерезал веревки, а потом помог мне подняться. Я с наслаждением растирал запястья.

– Вы свободны! – объявил он. – Инквизиция упразднена!

– Кто вы?

– Меня зовут Филипп. Филипп Лыков, отставной офицер, – и он протянул мне руку, которую я с удовольствием пожал.

Глава 2

Я поднялся наверх и вышел на улицу. Стоял роскошный летний день, кажется, я никогда не видел такого высокого голубого неба. На Лубянке нас несколько раз выводили на прогулку, но место так называемой прогулки представляло собой небольшой каменный мешок под железным навесом. Неба практически не видно, только маленький кусочек.

Я вздохнул полной грудью. Вид, правда, портили несколько поваленных деревьев в сквере у Политехнического музея. Потом я узнал, что ночью над Москвой пронесся небывалой силы ураган, первый за это столетие.

Я спустился в метро и только возле турникетов понял, что у меня нет ни копейки. Все отобрали сволочи! Даже мелочь выгребли из карманов при аресте и выбросили в мусорное ведро. И я понуро пошел обратно и не пожалел, что вернулся, таким неземным ликованием наполнило мое сердце увиденное мною зрелище (Ох! Простите за высокопарный слог!). На крыше Лубянки толпился народ. Потом я увидел, как отодрали и сбросили вниз небольшой кусок кровли, и понял, чем они заняты. Лубянку разбирали и растаскивали по камушкам. Я сел на парапет. Любоваться.

Неподалеку пристроились хипы с гитарой. Один из них откинул со лба длинную прядь прямых русых волос и запел:

На колени пред ликом зари!⁸

Омовение сердца сиянием дня,

Шесть веков я взыскую любви -

Christus regnat!⁹ Любовь затопила меня...

И все бы было здорово, если бы мне жутко не хотелось есть, а еще спать. Глаза слипались. Но упасть прямо здесь и уснуть на тротуаре, как какому-нибудь бомжу, мне, слава Богу, не дали. Потому как ко мне подошли двое молодых людей, точнее молодой человек и хорошенький мальчик лет шестнадцати.

– Мы собираем пожертвования для узников инквизиции, – застенчиво начал мальчик и хлопнул пушистыми ресницами.

Я демонстративно вывернул карманы и указал взглядом на ботинки без шнурков.

– Может быть, сначала мне поможет?

– Так вы оттуда, – извиняющимся тоном проговорил молодой человек. Он был на голову выше своего напарника и волосы имел черные и остриженные коротко, по-военному, в отличие от светлых локонов юноши. – Пойдемте. Там у нас организована раздача бесплатной еды для пострадавших от клерикального произвола. Меня зовут Марк, а это Иван, – мальчик застенчиво улыбнулся. Ангелочек, ей Богу!

– Петр Болотов.

Я не заставил себя долго упрашивать, и меня действительно накормили пирожками с мясом, что вернуло мне интерес к жизни. Иван и Марк воспользовались случаем и разделили со мной трапезу. Мы обосновались в сквере у Политехнического музея и пустили по кругу бутылку пива.

– Завтра Учитель собирается судить инквизиторов, – объявил Марк, дожевывая пирожок.
– Представляешь, они пытали заключенных!

– Еще бы! – усмехнулся я. – Еще как представляю!

Они оба посмотрели на меня с уважением.

– Будешь свидетелем, – сказал Марк.

– С удовольствием! А кто это «Учитель»? Филипп Лыков?

– Нет, что ты, – Иван таинственно улыбнулся. – Какой там Филипп Лыков!

– А кто?

– Мы в Новосибирске познакомились, в Университете... Потом Екатеринбург... В общем, классный парень. Увидишь, – и улыбка «ангелочка» стала еще таинственнее.

Я сразу вспомнил про уральского пророка.

– У вас что, секта?

Юноша хмыкнул.

– Как бы, не совсем...

А Марк строго посмотрел на меня.

⁸ Стихи Сергея Калугина.

⁹ Христос царствует (лат.).

– Не смей так говорить!

Я пожал плечами.

В этот момент с Лубянской площади грохнул громкоговоритель. В нем что-то заворочалось, заскрежетало и наконец мужской голос взволнованно произнес:

– Граждане, просьба всем покинуть здание Лубянки и прилегающий участок площади! Просьба не приближаться к зданию ближе, чем на двадцать метров! Здание Лубянки представляет опасность!

Я обернулся. Люди с крыши исчезли, не особенно повредив этот оплот клерикализма, а внизу какие-то решительно настроенные ребята ставили вокруг здания временное ограждение и выгоняли зевак.

– Они что, взрывать собираются? – испугался я. – С ума что ли посходили! В центре Москвы!

– Не думаю, – спокойно ответил Марк. – Хотя, если Учитель считает, что здание обрушится – значит обрушится. Кстати, вон он. Высокий, с хвостом, в джинсах.

Я посмотрел, куда указывал мой новый знакомый. Высокий человек с прической «хвост» отделился от прочих и отправился к центру площади, к памятнику Иосифу Волоцкому, первому московскому инквизитору, убитому еретиками за три дня до канонизации. У памятника он повернулся лицом к бывшей инквизиционной тюрьме и воздел руки к небу. Я собрался было уже презрительно усмехнуться, но услышал приглушенный гул. Лубянка таяла, лениво, как при замедленной съемке, опускаясь в прах. Не было слышно ни взрывов, ни грохота падающих камней. Только мерный гул, как от далекого поезда.

– Такого он еще не делал, – одними губами прошептал Иван и вытер пот со лба тыльной стороной кисти.

Когда все кончилось, к нам подошел Филипп. Он сразу узнал меня и улыбнулся.

– Учитель хотел тебя видеть.

Я удивленно посмотрел на него.

– Зачем?

Филипп в свою очередь удивленно поднял брови.

– Значит надо.

Я не стал больше расспрашивать и проникся величием момента. В конце концов кто же бежит от приключения, когда оно само плывет в руки!

– Вон он твой спаситель! – я посмотрел туда, где еще полчаса назад была Лубянка. Высокий человек в простой белой рубашке и джинсах что-то прибивал к небольшому деревянному столбику. Я направился к нему. В воздухе еще стояла пыль от обрушенной Лубянки, а слева от нас строительным краном снимали с постамента памятник Иосифу Волоцкому. Солнце уже склонялось к закату, а с востока медленно наплывала лиловая грозовая туча, предостерегающе посверкивая еще беззвучными молниями. На табличке красовалась надпись: «Здесь танцуют!» Я улыбнулся.

– Извините!

Он выпрямился и оглянулся. На вид ему можно было дать лет тридцать, может быть, чуть меньше. Строен, широкоплеч и дико обаятелен. Иконописное тонкое лицо. Лик, черт побери! Пышные каштановые волосы, собранные в хвост. И большие серые глаза. Их взгляд сначала показался мне несколько холодноватым, но он улыбнулся, и это ощущение сразу пропало. Джинсы его при ближайшем рассмотрении оказались изрядно потертыми, зато рубашка щегольски расстегнута на груди.

– Я пришел поблагодарить вас. Вы и меня освободили в числе прочих. Я...

– Петр Болотов, – прервал он. – Я помню, – и мне почему-то стало ужасно приятно от того, что он помнит. – Вы, кажется, программист?

– Да, скорее наладчик. Глюки ловлю в программах, если вы понимаете, что это такое, – я почему-то был неуклюж и косноязычен.

– Понимаю, – сказал он, отложил молоток и гвозди и взял меня за руку. – Мы с вами займемся иного рода ловлей. Я благословляю вас, – и он коснулся кончиками пальцев моего лба. Почему-то меня это даже не удивило. Просто мне было хорошо. Очень.

– Пойдемте, Петр, – сказал он и направился к толпе.

– Но как мне к вам обращаться?

Он оглянулся и снова улыбнулся.

– У меня очень длинное имя. Неважно! Друзья называют меня «равви», – и он снова отвернулся и решительно зашагал прочь.

Я поплелся за ним следом. Черт! Черт! Черт! Никогда не был ничьей собачонкой! Но ноги сами несли меня. Я заставил себя остановиться.

Над толпой возвышался лозунг: «Смерть бессмертным!» Равви направился к нему и стал что-то ласково, но настойчиво объяснять демонстрантам. Я сам не заметил, как оказался рядом с ним.

– Бессмертие дается за святость. Вы сами не понимаете, что написали. «Смерть бессмертным!» – это значит смерть лучшим из людей. Я пришел не затем, чтобы лишить бессмертия святых, а чтобы дать его всем. Сверните немедленно!

– Но бессмертные служат инквизиции, – возразил кто-то.

– Люди часто заблуждаются. Но ошибка – еще не преступление. Я хочу дать им шанс раскаяться. Сворачивайте!

И лозунг свернули.

– Теперь куда, равви? – спросил Филипп. – В Кремль?

– Нет. Пока меня больше интересует Останкино. Филипп, ты останешься здесь. Петр пойдет со мной.

Он даже не интересовался моим мнением. Он просто информировал.

– Как, вы пойдете один? – воскликнул Филипп.

– Я не собираюсь брать Останкино штурмом. Пойдем, Петр!

И я пошел за ним.

На проходной телецентра нас никто даже не пытался задержать. Он улыбнулся охранникам, как своим, и они, кажется, ничуть не удивились.

– Начнем с программы «Новости дня». Это шестой этаж.

Он толкнул дверь, и мы вошли в кабинет редактора. Тот встал и удивленно посмотрел на нас.

– Кто вы такие?

– Я тот, кто захватил и разрушил Лубянку и упразднил инквизицию. Думаю, что вашим телезрителям будет любопытно меня послушать, – и он без приглашения сел за стол.

– Да, но... Я должен посоветоваться, – и редактор протянул руку к телефонной трубке.

– С остатками упраздненного ведомства? Вот уж с кем вам не стоит сейчас советоваться так это со святейшей инквизицией, – он накрыл руку редактора своей. Тот почему-то не сопротивлялся и вопросительно посмотрел на равви.

– Мне хватит пятнадцати минут эфирного времени.

– Завтра в утреннем выпуске.

Равви поморщился.

– Ладно, идет.

Снизу послышались выстрелы. Я удивленно взглянул на Учителя. Но он, похоже, был удивлен не меньше меня.

– Равви, что это?

– Вниз, быстро! Помните, мы договорились! – крикнул он редактору уже на пороге.

У входа в телецентр собралась толпа. В первых рядах ее я сразу заметил тощую долго-вязую фигуру Филиппа. А у дверей, спиной к нам стояли полицейские и держали автоматы наперевес. На площадке, разделявшей полицию и толпу, неподвижно лежали несколько человек, растекалась кровь. А откуда-то справа и слева уже слышны были щелчки фотоаппаратов неугомонных папарацци.

Учитель бесцеремонно раздвинул полицейских, и они пропустили его, словно он был бесплотным духом. Через секунду он был возле раненых (или убитых). Один. Под дулами автоматов.

Он опустился на колени перед бледным рыжеволосым юношей в окровавленной рубашке и положил руки ему на грудь. Юноша вздрогнул и застонал. Не знаю, был ли он мертв или только ранен. Было ли это воскрешение? Но толпа застыла, глядя на то, как затягиваются раны и поднимаются те, кого уже не надеялись видеть среди живых. Только одна шустрая журналистка на шпильках и в мини-юбке прыгала вокруг Учителя и пыталась сунуть ему под нос микрофон. Равви, кажется, вовсе не заметил ее. Он помог всем, переходя от раненого к раненому. Только потом оглядел толпу и раздраженно сказал:

– Ну вызовите же кто-нибудь скорую помощь! Я не собираюсь подменять собой медицину.

Кто-то побежал исполнять приказание, а Учитель, наконец, поднялся на ноги. Тут взгляд его упал на Филиппа, который так и не решился сдвинуться с места.

– Я приказал тебе оставаться там, где я тебя оставил. Как ты посмел ослушаться?

– Но, равви... – попытался возразить Филипп, но как-то осекся и начал медленно опускаться на колени.

Учитель яростно смотрел на него.

– Ладно, встань, – наконец сказал он, – чтоб это было в первый и последний раз! – и отвернулся.

– Кто отдал приказ стрелять? – спросил он у полицейских, словно имел на это право.

Все молчали. Он обвел их медленным взглядом и остановился на молоденьком пареньке, веснушчатом и нескладном.

– Я случайно... – пролепетал он. – Рука... предохранитель... я не знаю... как это получилось!

Учитель покачал головой и отвернулся.

В тот момент я подумал, что ему было очень на руку это побоище. «Какая реклама!» И мне стало страшно. Но через секунду эта мысль показалась мне такой крамольной, словно передо мной разверзлась бездна. «Господи! Прости меня!» – в отчаянии прошептал я.

Гроза отбушевала, еще, когда мы были в телецентре, небо очистилось, и теперь по нему разливался долгий летний закат. Сторонники равви с трудом оттеснили назойливых журналистов, и те ретировались, но не ушли далеко, не теряя надежды на то, что случится еще что-нибудь интересное или удастся таки взять интервью у героя сегодняшнего дня. Филипп вопросительно смотрел на Учителя.

– Где Андрей? – тихо спросил тот. – Приведи мне Андрея.

Я с удивлением увидел, что к нам приближается мой знакомый кришнаит. Когда он успел сменить веру?

– Филипп, вот тебе помощник, – сказал равви, указывая на Андрея.

– Ничего не делай без его согласия. Посты, которые мы выставили, должны остаться до утра. Никого не отпускать без моего приказа. И пошлите кого-нибудь к мэрии и Госдуме. Я иду в штаб. В крайнем случае звоните. Петр!

Мы благополучно оторвались от журналистов, миновали Останкинский пруд и прыгнули в трамвай. Начало темнеть, и когда трамвай повернул, в одном окне над золотой полосой заката повисла яркая двуххвостая комета, а в другом, на востоке, – еще более яркая Венера. Я оза-

боченно посмотрел на часы. Нет, я, конечно, не большой знаток астрономии, но все же, мне почему-то казалось, что в этот час Венере положено быть на западе. Или это Юпитер? Учитель с улыбкой смотрел на меня.

– «От востока звезда сия воссияет!» – торжественно процитировал он. Впрочем, я все равно не помнил, откуда цитата. – Когда ты Библию последний раз читал, Пьетрос? В колледже Святого Георгия, на «Законе Божьем»? – он положил руку мне на плечо.

Мы вышли из трамвая и спустились в метро, где он одолжил мне жетончик. Интересно, зачем я ему понадобился? Ничего ведь не делаю, таскаюсь только за ним хвостом!

Штаб Учителя представлял собой причудливый гибрид офиса и хипповской вписки. В большой комнате стояло штук пять работающих компьютеров, а пол был ровным слоем засыпан мусором и скомканными распечатками. Равви поморщился.

– Живете, как свиньи! Хоть бы убрались.

– Сейчас, Господи! – из-за компьютера вскочил молодой человек лет двадцати и немедленно схватился за веник. Я оторопел от обращения.

– Равви... но... почему?

– Потому что это правда, – ответил он. – Кстати, как видишь, мне нужен сетевой администратор. Да, ты знаком с «Интернетом»?

– Еще бы... – задумчиво проговорил я. Мне было как-то не по себе.

В этот момент раздался звонок в дверь.

– Матвей, пойдй открой! – бросил равви молодому человеку с веником. – Потом доподметаешь.

– Да, Господи.

Через минуту Матвей вернулся.

– Там молодая женщина, журналистка. Спрашивает Тебя, Господи. Говорит, что хочет взять интервью.

Равви вздохнул.

– Пусть войдет.

Это оказалась та самая длинноногая девица, что прыгала вокруг Учителя у Останкино.

– Пойдемте! – сказал равви. – Петр, ты тоже. Тебе будет полезно послушать.

Мы прошли через просторную прихожую, где толпились воинственного вида व्यоноши в беленьких рубашечках и джинсах, и оказались в маленькой комнате, обставленной весьма по-домашнему. Я окинул взглядом стены, увешанные книжными полками, и с удовольствием заметил полную серию «Литературные памятники» и красную «Историю инквизиции» в трех томах. В воздухе стоял полувыветрившийся запах сандала.

– Садитесь, пожалуйста, – любезно предложил Учитель, сел сам и внимательно посмотрел на журналистку. – Чем могу служить?

– Я из газеты «Московский католик». Хочу написать о вас статью. Вы новый мессия? У вас есть своя концепция? Вы бессмертный?

– Как все сразу? Давайте по порядку. Для начала, как вас зовут?

– Мария Новицкая, – она полезла в свою сумочку, и оттуда в процессе доставания диктофона выпал маленький пакетик с изображением двух сердец, пронзенных одной стрелой, и угрожающей надписью: «Святейшая инквизиция предупреждает, что использование данного изделия является греховным и вредит спасению вашей души» и упаковка валидола.

Учитель строго посмотрел на «изделие», но промолчал, а хозяйка как ни в чем не бывало убрала его обратно в сумочку и продолжила:

– Итак, вы новый мессия?

– Почему новый? Просто мессия. Все старые концепции устарели, вам не кажется? Современному человеку слишком трудно поверить во всякую чепуху, например в то, что Земля существует семь тысяч лет или греховность поступков, от которых нет вреда другим. А это до

сих пор пытаются утверждать многие служители церкви. Я принес новый завет, точнее новейший. Завет Духа. Больше не будет разобщенности религий и интеллектуального поста, к которому призывает католицизм. Новейший завет – это завет свободы. Любви и Свободы.

– Позвольте, я закурю? – спросила Мария и, не дожидаясь ответа, вставила тончайшую сигаретку в неимоверной длины полупрозрачный мундштук.

– Не душеспасительно это, – вздохнул равви. – В этом я согласен с католической церковью.

– Кстати, а что вы думаете о спасении души? – поинтересовалась журналистка и зажгла сигарету.

– Раньше спасения души и связанного с этим бессмертия могли достигнуть только истинно святые. Но теперь, в эпоху Третьего Завета, которая уже наступила, не надо подвергать себя аскезе, уходить в пустыню или запирались в монастыре. Теперь достаточно любить Господа своего и не творить ничего, противного моей воле. Всякий, верующий в меня, не увидит смерти вовек! Бессмертие для всех – вот моя...

Он побледнел, схватил нас за руки и бросился на пол. Послышался звон разбитого стекла. Я приподнял голову и увидел на окне круглую дырку от пули.

– Лежи! – прикрикнул на меня Учитель и был совершенно прав. Раздалось еще пара выстрелов. Одна пуля срикошетила и разбила стекло книжной полки.

Почти одновременно на столе зазвонил телефон. Но никто не посмел подняться.

Дверь комнаты распахнулась, и на пороге появился Матвей.

– Осторожно! – крикнул ему равви, и тот дернулся и прижался к дверному косяку. Но ничего не произошло. Только телефон не унимался.

– Выключи свет и задерни шторы, – уже спокойнее сказал Учитель.

Матвей выполнил приказание, и мы сели на полу, освещенные слабым

светом из соседней комнаты. Тем временем телефон затих. Равви не успел взять трубку.

– Пусть Марк с ребятами выяснит, в чем дело. Пусть осмотрят соседние крыши, только осторожно! И выставят посты, – он вытер пот со лба.

Мария, которая лихорадочно копалась в своей сумочке, наконец, извлекла оттуда упаковку валидола и облегчением положила таблетку под язык. Учитель ласково посмотрел на журналистку.

– Извините, милая девушка, нам придется отложить на завтра ваше интервью. Видите, у нас некоторые проблемы. Вы можете переночевать здесь.

Как ни странно, «милая девушка» даже не возмутилась и покорно кивнула.

Вновь зазвонил телефон. Не вставая с пола, равви схватил трубку.

– Согласились? Замечательно!.. Когда? Немедленно! Я заеду за Филиппом.

Он встал и направился к двери. Мы последовали за ним.

В прихожей зашнуровывал ботинки Марк и двое рослых парней, вооруженных автоматами и обвязанных лентами с патронами. Марк поднял голову и кивнул мне, как старому знакомому.

– Отбой, Марк, – сказал Учитель. – Снайперами займется Яков. Вы едете со мной.

– Господи, это опасно, – возразил Марк. – Нас подстрелят, как кроликов.

– Теперь уже нет. Я знаю о них, а это значит, что они больше не опасны, по крайней мере для меня. Кстати во дворе не горит ни одного фонаря. Это им не освещенная комната. Со мной только Марк с ребятами. Остальные остаются. Марк, пошли!

Так я оказался один в совершенно незнакомой компании, в основном состоящей из чуждых мне воинственных молодых людей. К счастью, на помощь мне пришел Матвей.

– Пойдем покурим.

– Не курю.

– Так посидишь.

На вусмерть прокуренной грязной кухне, Матвей сел за стол и затянулся папиросой, по-моему, какой-то феноменальной дешевизны. Я кашлянул.

Матвей пожал плечами.

– Отрава не стоит того, чтобы на нее тратиться.

И замолчал. Похоже, мой собеседник ждал вопросов, и я решил воспользоваться случаем и выяснить, куда я все-таки попал.

– Слушай, Матвей, а ты давно знаешь Учителя?

– Кого?.. А-а, Господа! Да полгода где-то. Мы в Екатеринбурге познакомились, на «Ordo viae».

– Где???

– На «Ordo viae». Орден там такой есть. Точнее тусовка литературно-философская. Песни при свечах, стихи, легкий треп о высоких материях. Приятная компания, в общем. Александра Кулешова там тон задавала, Сашка, и друг ее Влад. Классные ребята.

– Слушай, мир до отворачивания тесен!

– А что?

– Да знаю я их. Но самое печальное, что их знает Инквизиция. Как ты думаешь, откуда?

– А черт их знает! Теперь уже не важно. Ты лучше слушай дальше. Этой зимой, после Рождества, раздается у нас звонок. Парень какой-то спрашивает можно ли вписаться, называет общих знакомых. Ну, Сашка говорит: «Залетай!» «А нас двое». «Всем места хватит». Появились они где-то через час: Учитель и Иван, мальчишка белобрысый, увидишь...

– С ангелоподобной внешностью и ресницами, как у девушки?

– Угу.

– Я его уже видел возле Лубянки с парнем черноволосым, выправка у него военная.

– А, с Марком. О нем отдельная история. Но это позже... Ну, в общем, Сашка чайник поставила, разговорились. Гости оказались из Новосиба. Учитель преподом работал в тамошнем Универе, а этот Иван Штаркман – студент его.

– А что он преподавал?

– Да что-то заумное. То ли «Квантовую механику», то ли «Тензорный анализ», то ли и то, и другое вместе. От него вполне можно ожидать. Знаешь, Влад любит гостей тестировать на эрудицию и выдал вновь прибывшим длинную фразу на древнегреческом. Так Учитель ответил на нее целым абзацем, так что все опешили, я ни фига не понял, а у Влада сделались глаза по семь копеек, я не преувеличиваю. В общем, он сразу проникся к гостю уважением... Ну, дальше. Ждем мы чайник. Сашка гитару взяла и начала петь. Что-то про Христа. Ну, у нее все такое, сам знаешь. Тогда Господь улыбнулся, вынул блок-флейту из кармана рюкзака и начал ей подыгрывать. А у нас свечи незажженные по всей комнате: в паре подсвечников, на комод, на телевизоре... Так вот, он играет, а свечи загораются, по одной, поочередно, везде. К концу песни все горели, а свет погас. Сам собой. Ну, всем как-то не по себе. Не то что-то происходит, сам понимаешь. А он как ни в чем не бывало, спрашивает: «Ребят, а вы глентвейн любите?» «Еще бы», – отвечаем. – «Только нет у нас. Корица одна. И то остатки». «Ну, ничего», – говорит. – «Чайник-то несите, вскипел давно». Ну, приносит Сашка чайник, разливает чай, а он неправильный какой-то, густой больно и темно-красный. И по комнате аромат плывет: мускатный орех, лимон, корица. Попробовали – глент! Натуральный! Высший класс! А Он улыбается и спрашивает, будто и не произошло ничего: «Ну, как?» А мы-то уж не знаем: спим что ли, или крыша едет. Первым Влад опомнился. «Спасибо», – говорит. – «Очень вкусно. Но прежде, чем внушением заниматься, следует поинтересоваться, хотят ли этого собеседники. Мы не подопытные кролики. Это ведь гипноз?» «Нет», – отвечает. – «Это не гипноз, это глентвейн. Вы сказали, что вы его любите. Но если хотите, я опять могу сделать чай». Но эту идею как-то никто не поддержал. «Ну и пусть гипноз», – думаем. – «Зато вкусно». Да и не хочется вовсе с этим парнем препираться-то. Харизма, знаешь, зашкаливает. В общем,

все в него влюбились. Ну, только кроме Люськи, крысы Сашкиной. Она почему-то пискнула, как только Он вошел, залезла Владу за пазуху и носа оттуда не казала весь вечер. Странная зверюга!

– Э-э, да ваш Господь сорит чудесами, как иные деньгами!

– Он и твой Господь, – холодно заметил Матвей. – Только ты этого еще не понимаешь. Ну, ничего, поймешь.

– А, кстати, ты говоришь: Иван – студент?

– Да.

– Так ему же лет пятнадцать, ну максимум шестнадцать!

– Шестнадцать. Он – вундеркинд. В пятнадцать лет школу кончил. Из первого класса сразу в четвертый перевели... Да! Я же не рассказал тебе про Марка!

– Давай!

– Он брат Сашкин, двоюродный, кажется. Впрочем, она не любит это афишировать. Он на игле сидел. Офицер бывший, спецназовец. Воевал во всяких региональных войнах. В общем, там пристрастился. А у Сашки деньги клянчил все время. Учитель у нас уже с месяц жил, ребят грузил, на флейте играл, притчи рассказывал, когда Марк позвонил. Сашка, как с ним поговорила, злая стала, губы кусает – мы сразу и поняли, кто звонил и зачем. А Господь у нее и спрашивает: «Сашенька, что случилось?» «Ничего», – говорит, а сама расплакалась. Потом меня выгнала и видно все ему рассказала. И они к Марку поехали. Не знаю уж, что Он с ним делал, да только как рукой сняло. Теперь таскается за нами повсюду. И ведь не скажешь, что колелся! Ты его видел. Разве он похож на наркомана?

– Не знаю, – честно ответил я. За свою жизнь я так и не увидел ни одного живого наркомана, хотя газеты упорно утверждали, что этим занимается, по крайней мере, каждый второй. Равви вернулся где-то около двух и выглядел очень усталым.

– Все в порядке, – уверенно сказал он. – Яков не возвращался?

– Нет.

– Марк, пойдی помоги. Так, Матвей, сейчас я хотел бы отдохнуть, и пусть меня до утра не беспокоят.

– Да, Господи.

– Только не в той комнате, которая простреливается снайперами, – заметил Марк.

– Мы постелем в другой комнате.

– Да, это, пожалуй, разумно.

Надо сказать, что «другая комната», была значительно больше той каморки, где мы разговаривали, так что господню воинству пришлось потесниться, расположившись на полу в гостиной. Вскоре дверь за Учителем закрылась, и из-за нее донеслись звуки флейты. По-моему, «Зеленые рукава». Приятно, конечно, но если это на всю ночь! А поспать хотелось. К счастью, Матвей великодушно поделился со мной спальником, который мы расстелили прямо на полу, накрывшись еще чьим-то. Оный спальник нес на себе следы многолетней тусовочно-походной жизни, пропах лесом и дымом костра и не был стиран, похоже, с момента покупки, но, как говорится, дареному коню... Кстати, хозяин сего «коня» был под стать своему имуществу. Щеки и подбородок в недельной щетине и не слишком чистая одежда. Картину дополняли серо-голубые глаза на выкате и давно не мытые темно-русые волосы.

Выключили свет. Но мой сосед, похоже, не собирался быстро отрубиться, и я часов до трех рассказывал ему о своих лубяньских приключениях.

Звуки флейты давно затихли. Уже сквозь сон я слышал скрип входной двери и глухие разговоры в прихожей. Что-то готовилось.

Глава 3

На следующее утро все были на ногах уже часов в шесть. Когда я, наконец, выбрался из-под спальников и вылез в коридор, Учитель выходил с кухни, дожевывая бутерброд. В этот момент дверь комнаты, где он ночевал, открылась, и на пороге показалась Мария Новицкая, имевшая вид весьма довольный. Она по-кошачьи потянулась, взглянула на нас огромными черными глазами и кокетливо поправила пышную прическу.

Матвей удивленно посмотрел на Господа.

– А ты хотел бы, чтобы я заставил даму спать на полу в общей комнате? – возмущенно спросил равви. – Машенька, иди, на кухне завтрак готов. Яков!

К Учителю подошел человек, чем-то на него похожий. Нет, даже довольно сильно похожий, только старше.

– Да, равви.

– Яков, что со снайперами?

– Сняли одного. Больше не видели. Все окрестные крыши облазили. И Марк, когда вернулся, ходил с ребятами проверять – никого.

– Сняли?

– Да... Там, в прихожей.

– Показывай!

Я из любопытства увязался за ними. Лучше б я этого не делал! На полу, возле двери, лежало нечто, накрытое тентом от палатки. Яков присел рядом на корточки и откинул покрывало. Не то чтобы я человек очень нервный, но не заканчивал я Медицинского и не привык к подобного рода зрелищам. У трупа было перерезано горло, и тент испачкан кровью. Меня подташнивало. Учитель же смотрел на это так, словно всю жизнь проработал патологоанатомом. Впрочем, на Якова он поглядел с несколько другим выражением, так что тот начал медленно перемещаться с корточек на колени.

– Неужели без этого было нельзя? Три года осталось до Страшного Суда! – Учитель выразительно постучал ногтем по циферблату наручных часов. Тут Яков кажется несколько расслабился от того, что до Страшного Суда осталось все-таки три года, а не три минуты.

– Эммануил, я давно служил. Ты же знаешь. Вот, если бы Марк вернулся раньше...

– Не оправдывайся! Это хуже всего. Марк не палочка-выручалочка!

– Ну разве было бы лучше, если бы мы его упустили?

Тут зазвонил телефон, и Учитель схватил трубку, не удостоив Якова ответом. Постепенно его лицо прояснилось.

– Дума собралась на экстренное совещание, – весело сообщил он. – Не думал, что эти ленивцы так быстро среагируют. Мы едем в Думу.

– А как же телецентр? – удивился я.

– Телецентр никуда не денется. Со мной идет Петр, Марк и ребята, человек десять. Больше не надо.

Яков по-прежнему стоял на коленях и умоляюще смотрел на Учителя.

– Может быть епитимью? – осторожно спросил виновный.

– Ладно, вставай, зелот... – мне показалось, что равви хотел добавить что-то еще, но сдержался. – Останешься здесь, поглядим насчет епитимьи.

В прихожую вышел Марк, за ним потянулись воинственные вьюноши.

Мы спустились вниз и опешили, потому что у подъезда скромной пятиэтажки стоял здоровенный черный «АМО». Шофер «АМО» вышел из машины и почтительно открыл перед Учителем дверь.

– Ну, что ж, так даже лучше, – заметил Эммануил. – Петр, Марк и еще двое со мной, остальные – своим ходом.

В отделении для пассажиров сидел человек лет пятидесяти, одетый в военную форму и смотрел на Учителя с совершенно молитвенным выражением.

– Как ваша дочь, Ипатий Владимирович? – участливо спросил у него Эммануил, садясь рядом.

– Я здесь, Господи, и этим все сказано.

– Хорошо, – улыбнулся Эммануил и положил руку ему на плечо.

– В Думу?

– Разумеется.

За эту ночь Москва здорово изменилась. А именно: у Белорусского стояли танки, повернув орудия в сторону Бутырского вала, вдоль Тверской тянулись колонны БТРов, и на Триумфальной площади – тоже танки, оцетинившиеся пушками в сторону ресторана «София».

– Ну, все, прощай свобода! – усмехнулся я. – Завтра нас погонят восстанавливать Лубянку.

– Не погонят, – улыбнулся Эммануил. – Успокойся, Пьетрос, это мои танки.

– Как???

– Да, я забыл вам представить. Это генерал Сергеев, начальник Генерального Штаба, а теперь наш союзник.

Мы свернули в Георгиевский переулок и остановились у входа в Госдуму. На ступеньках нас встретила Мария и начала убеждать Учителя, что у нее чисто профессиональный интерес и посему в случае чего она помахает журналистским удостоверением, и ее не тронут. Он махнул рукой.

Я тоскливо взглянул на крышу родного колледжа, выглядывавшую из-за домов, и вошел в здание Думы вслед за равви.

На проходной нас опять, словно не заметили, и мы беспрепятственно проникли внутрь и поднялись в зал заседаний.

– Это он! – воскликнул кто-то из депутатов, когда мы входили, и зал приветствовал Учителя вставанием и аплодисментами. По-моему, он не ожидал столь теплого приема, но сразу сориентировался и направился к трибуне. Мы встали полукругом за его спиной. Он улыбнулся залу и жестом приказал всем сесть.

– Я вижу, вы узнали меня, – уверенно начал он. – Тем лучше, значит, не будем терять времени на представления и сразу перейдем к делу. Вчера я упразднил Инквизицию и разрушил Лубянку. Если вы смотрели телевизор, мне незачем вдаваться в подробности. Сегодня я объявляю Президента низложенным и провозглашаю себя Первым Консулом. Москва занята верными мне войсками. Возможно, аплодисменты некоторых из вас объясняются тем, что вы этого еще не поняли. Повторяю: это мои танки. И рядом со мной всем вам известный генерал Сергеев, мой союзник. И я гарантирую, что в стране будет восстановлен мир и твердый порядок. Думаю, всем уже надоели забастовки, анархия и бесконечные интриги политических группировок. Вы же, господа парламентарии, можете со спокойной совестью удалиться на каникулы. Сегодня, если не ошибаюсь, последний день вашей работы.

В зале поднялся возмущенный гул и свист. Кто-то крикнул «узурпатор!». Его поддержали, но Учитель поднял руку, и все замолкли.

– Я имею право на эту власть более чем кто-либо другой. И не только на эту. И теперь лишь личные амбиции мешают вам принять то, что уже произошло.

Он кивнул Сергееву, и тот приказал что-то по сотовому телефону.

Не прошло и пяти минут, как в зал начали просачиваться спецназовцы и вставать цепочкой вдоль стен и в проходах. Учитель довольно улыбнулся.

Но еще через мгновение улыбка исчезла с его лица, и оно стало более, чем суровым, потому что широко распахнулись двери слева от нас, и на пороге появился другой отряд спецназовцев.

Эммануил вопросительно посмотрел на Сергеева.

– Парламентская охрана.

– Они вам не подчиняются?

Генерал отрицательно покачал головой.

Эммануило-Сергеевы спецназовцы направили дула автоматов на парламентскую охрану.

Охрана – на них. Казалось, столкновение неизбежно.

Учитель поднял руку.

– Не смей! – приказал своим, потом обернулся к охранникам.

– Что вам угодно, господа?

– Вы арестованы! – объявил командир. – Сдавайте оружие!

– У меня нет оружия. Что же касается ареста, идите сюда. Что в дверях-то стоять?

Командир с подозрением покосился на эммануиловцев.

– Они не выстрелят, – сказал Учитель. – Я приказал им не стрелять. Давайте поговорим.

Смотрите!

Эммануил провел рукой по воздуху, указывая на пол перед охранниками. И вслед за его движением на полу пролегла черная трещина и начала медленно расширяться.

– Смотрите! Это трещина на теле мира. Она появилась в тот миг, когда я ступил на землю, и пролегла через сердце каждого из вас. По одну сторону свет, по другую – тьма, по одну сторону добро, по другую – зло, по одну сторону те, кто приняли меня, по другую – отступники. Видите?

Трещина стала шире и глубже. Из нее вырвались языки пламени.

– Это огонь, предназначенный для вас.

Трещина удлиняясь побежала вокруг охраны.

– И вот вы уже на острове, окруженном пламенем. И он все уменьшается. И армия, и народ уже на моей стороне, а вы – только кучка безумцев, осмелившихся сопротивляться тому, кто много могущественнее вас, и достойны лишь жалости.

Остров, на котором стояли солдаты, катастрофически уменьшался, от него то и дело отламывались куски и падали в огонь. Спецназовцы медленно отступали от краев и с ужасом смотрели в огненную бездну.

– Но для того, кто примет меня в своем сердце, пропасть станет узкой трещиной, которую достаточно перешагнуть. Потому что я никогда не отворачиваюсь от тех, кто идет ко мне. Только протяните мне руку.

И он легко спустился с трибуны и шагнул в бездну. Только бездны уже не было. Я увидел, как рослый командир парламентского спецназа обессиленно повис на руках Эммануила, а по полу проходит тонкая трещина. Я сглотнул слюну. В горле у меня пересохло.

– Ну, все, – улыбнулся равви. – Все живы. Между прочим, вы очень кстати, ребята. Президент низложен, и вы переходите в мое распоряжение. Сейчас мы пойдем в Кремль, где я приму власть. Вы будете моей охраной.

– Да кто ты, черт побери? – возмутился командир охранников.

– Господь, – небрежно пояснил равви и подал нам знак следовать за ним, а сам ласково взял за руку офицера и повел его к двери.

– Пойдемте! – кивнул он остальным.

Не знаю, что произошло, опешили ли они от такой наглости, или Учитель обладал мистической силой, заставлявшей подчиняться тех, кто еще минуту назад желал ему поражения и смерти, но (я не верил своим глазам) за ним пошли!

– В Кремль, равви? – робко поинтересовался я. – А как же телевидение?

– Теперь они за нами побегают, а не мы за ними, – и Учитель решительно направился к выходу из здания Госдумы.

В Кремле нас ждала еще одна неожиданность. Здесь была суeta, беготня, взволнованные разговоры многочисленных чиновников и полное равнодушие к нам охраны. Оказалось, что Президент скоропостижно скончался. Говорили то ли об инфаркте, то ли об инсульте. Впрочем, кто его знает?

А утром было телеобращение к народу, короткое и искрометное. Причем каждый услышал в нем то, что хотел услышать. Я только поражался рассказам своих знакомых, настолько они отличались друг от друга. Зато вид у всех слушателей был загруженный и удовлетворенный.

Обращение через спутниковое телевидение транслировалось по всем странам мира, причем, по словам опешивших журналистов, не понадобились переводчики. Эммануилу непостижимым образом удавалось говорить на всех языках одновременно.

Народ же, как ему и положено, безмолвствовал. Ему давно было все по фигу, этому, который народ.

Так июньским московским утром Господь Эммануил без единого выстрела захватил власть в России. И сразу рьяно взялся за дело, разбираясь в мрачном и запутанном наследии предыдущей власти, самозабвенно сочиняя указы, перетряхивая кабинет министров и давая интервью осаждавшим его журналистам.

В тот же день начались массовые аресты бывших инквизиторов. Лишь очень немногим удалось бежать. Но следствия и суда не было. Эммануил говорил с каждым из них наедине.

– Многие из этих людей были вполне искренни и считали себя частью моего земного воинства. Ошибка – не преступление. Я хочу от них только покаяния, – в конце концов, объявил он.

Так появился приговор, точнее личное постановление Эммануила. Инквизиторы должны были пройти в покаянной процессии от развалин Лубянки до Храма Христа Спасителя, где их будет встречать Господь.

Действо было назначено на вечер пятницы. Признаться, я очень хотел на это посмотреть. Но мне позвонил Матвей и передал, что Господь приказывает мне быть с ним у Храма.

Уже около восьми на улицах, где должно было проходить шествие, собралось множество зевак. Метро «Пречистенка» закрыли, и мне пришлось переться пешком от Арбата. Вначале Гоголевского бульвара стояло оцепление. Я показал документы. На меня посмотрели с уважением и пропустили. Минут через десять я уже поднимался по ступеням Храма. Прямо передо мной рвалась в небо пламенеющая готика белоснежного собора, построенного более века назад в честь победы союза католических держав востока и запада над Корсиканским Безбожником.

Господь, в белых свободных одеждах, приличных более первосвященнику, чем правителю, сидел на троне на вершине лестницы. За его спиной стояли Марк, Иван, Матвей, Филипп Лыков, мой бывший сокамерник Андрей, Яков и еще несколько незнакомых мне людей.

– Пьетрос? Очень рад, – сказал Господь и указал мне место за троном.

Я встал рядом с Матвеем. Стемнело. Нас осветили прожекторами. Только тогда у выхода с Гоголевского бульвара появилась голова процессии. Инквизиторы шли босиком в серых рубищах и держали зажженные свечи. По обе стороны процессии шествовали люди в длинных черных сутанах и несли факелы. Дальше, справа и слева – полицейские, вооруженные автоматами.

Появление инквизиторов было встречено бурей народного негодования, криками, оскорблениями и свистом. Но те, надо отдать им должное, переносили все стоически и продолжали медленно идти вперед. Когда они пересекли более половины площади, на колокольне Христа Спасителя ударили в набат. Тогда во главе процессии я заметил того самого старика, что допрашивал меня на Лубянке, Иоанна Кронштадского. Справа от него шел отец Александр и бережно поддерживал его под руку. У подножия лестницы инквизиторы остановились и пре-

клонили колени. Тогда Эммануил поднял руку, и все стихло. Он поднялся со своего трона и начал спускаться по ступеням к осужденным. Внизу он склонился над святым Иоанном и помог ему подняться, а потом обнял его.

Я не видел, что произошло, но Иоанн запрокинул голову и повис на руках Эммануила. Кто-то крикнул: «Ложись!» Но Господь стоял неподвижно и смотрел на крышу дома, справа от Гоголевского.

Мы бросились вниз по лестнице.

– Господи, на землю! – крикнул Марк. – Он может выстрелить еще!

– Больше не выстрелит.

Однако Эммануил опустился на одно колено, бережно поддерживая Иоанна. Тот был ранен.

Святой посмотрел в глаза Господу.

– Ты... – тяжело проговорил он и закашлялся кровью. Потом перевел взгляд на темнеющее небо. – Боже, прости меня. Я ошибся.

И замер.

– Ты прощен, – сказал Эммануил и закрыл ему глаза.

– Господи! Неужели ты не воскресишь его? – рядом стоял отец Александр и с отчаяньем смотрел на Эммануила.

– Нет. Он выполнил свое предназначение и умер так, как должно, и когда должно. Эта жизнь и так прекрасна, и к ней нечего добавить, – потом он перевел взгляд на крышу дома, откуда стрелял снайпер, и бросил охране – Принесите мне труп этого мерзавца!

– Господи, ты думаешь, он еще там? – осторожно спросил Марк.

– Я знаю.

Эммануил коснулся плеча склоненного отца Александра.

– Я поручаю вам вашего учителя.

А сам встал и обратился к остальным участникам процессии.

– Я скорблю о смерти святого Иоанна Кронштадского также, как и вы. Под его руководством вы были воинами на защите Церкви, и теперь я хочу, чтобы вы остались моим воинством. Встаньте, я прощаю вас.

И Эммануил благословил осужденных.

Вскоре охранники принесли труп снайпера.

– Мы нашли его мертвым. Вот, было рядом с ним, – на асфальт упал карабин с оптическим прицелом.

– Естественно, – заметил Эммануил. – Никто не переживет покушения на своего Господа.

– А отчего он умер? – спросил Марк, осматривая труп.

– Остановка сердца, если тебя интересуют медицинские подробности, Марк. Но это детали. Он умер потому, что я приказал ему умереть.

После этого случая Господь долго не вспоминал о нас, тех, кто помогал ему прийти к власти, своих друзьях и соратниках, стоявших тогда за его троном. Нам не досталось ни одного места в правительстве, несмотря на пристрастие равви к молодежи, и я обреченно вернулся домой. Да и действительно, какой из меня, скажем, министр финансов? Максимум, на что я способен, – это спать на заседаниях.

В утешение я купил собрание сочинений Кира Глориса, тепленькое, только что из-под печатного пресса. Текст здорово отдавал мистицизмом, если не оккультизмом, но в отличие от других подобных авторов, господин Глорис был весьма эрудирован и ясно выражал свои мысли. Основной темой было пришествие истинного короля «из рода Христа». Причем настолько основной, что казалось, что истинный король у автора уже в кармане, только поманения не хватает да еще пары формальностей. Было очевидно, что книга написана с целью подготовить его приход. Имя автора казалось названием. «Кир Глорис» – «Царь Славы», если

конечно забыть о том, что первое слово греческое, а второе – латынь. Матвей просветил меня, что Кир Глорис и Эммануил – одно и то же лицо.

Я уже собирался вернуться к работе программиста и помянуть о моих приключениях с Господом когда-нибудь в мемуарах, если только мне не лень будет их написать, как в моей квартире раздался звонок. Меня вызывали в Кремль.

Мы собрались в большой комнате, несколько чиновного вида. Ковровые дорожки, стены, облицованные деревом, хрустальные люстры, длинный стол, покрытый темно-зеленым сукном. Помесь бильярдной и дворца. Здесь были все последователи Учителя, которых я знал: мой бывший сосед по камере Андрей, освободитель Филипп, Марк с Иваном, Яков, Матвей и еще два дотоле неизвестных мне человека. Один вида довольно бычьего с жестким взглядом ледяных серых глаз и татуировкой на руке. Второй же изысканнейший и интеллигентнейший, одетый несколько вольно и претенциозно, и посему я решил, что он имеет отношение к богеме: художник или музыкант. Как я потом узнал, первого звали Симон, а второго Варфоломей.

Наконец, появился Учитель, усталый, но сияющий, и бык посмотрел на него благоговейно, как шестерка на мафиози. Равви сел во главе стола.

– Садитесь, – ласково начал он. – Как видите, я вовсе о вас не забыл. Россия – только начало. Перед нами лежит весь мир, мы должны завоевать его и прежде всего словом. Это и есть ваше предназначение. Вы – мои апостолы. Слушайте же! Андрей поедет в Индию. Он неплохо знает их культуру и религию. Это ему поможет.

– Но Учитель! – воскликнул Андрей. – Я же не знаю языка. То есть санскрит, и то очень плохо.

– Поверь мне, это не проблема, – лукаво улыбнулся равви. – Далее! Яков, брат мой, будет апостолом Африки. Это очень сложная задача. Там слишком нестабильная ситуация, – Господь ободряюще посмотрел на Якова. – Но ты справишься. Иван – Франция, – ангелочек блаженно улыбнулся. «Ну конечно, Париж – для любимчиков», – зло подумал я.

– Симон – Америка, – продолжал Учитель, обращаясь к быку, – Варфоломей – Китай и Япония. Марк и Петр – Италия и Испания. Матвей – Северная Европа, – мой бывший сосед по спальнику не на шутку опечалился.

– Учитель! – протянул он. – Я бы хотел остаться с тобой.

– Сейчас важнее Северная Европа, чем твои писательские упражнения, – строго заметил равви. Матвей склонил голову. Верно, он очень хорошо знал, о чем идет речь.

– Филипп останется со мной, – наконец заключил Господь. – А теперь я благословляю вас! – и он простер над нами руки. Вдруг его лицо, руки, тело стали удивительно светлыми и прозрачными, словно солнце светило сквозь него, а там, где должно быть сердце, начала раскручиваться огненная спираль. Меня пронзила боль, я зажмурился и сжал пальцами виски. Через мгновение все кончилось, но я знал: во мне что-то изменилось. Я медленно открыл глаза, встретил тихий, спокойный взгляд Господа, мол, ничего страшного, все хорошо. Он улыбался.

Аудиенция была окончена, и все начали расходиться.

– Марк, Петр, задержитесь, пожалуйста, – приказал нам Господь.

– У меня к вам особое поручение, – сказал он, когда все остальные ушли. – Сейчас важны не столько Италия и Испания, сколько ваши бывшие учителя, Пьетрос.

– Иезуиты, Господи? – переспросил я. Равви улыбнулся.

– Да, это очень влиятельный орден, и он должен быть на нашей стороне. Поэтому вы поедите ни в Рим, и даже не в Мадрид, а в страну басков и встретитесь там со Святым Бессмертным Игнатием Лойолой.

– Но, равви, – сказал я. – Лойола давно уже не генерал ордена. Он отрекся от власти и ведет жизнь святого отшельника где-то в испанских Пиренеях.

– Я знаю, – Учитель усмехнулся при словах «святой отшельник». – Но ни одно важное решение орден не принимает без консультации с ним. Так что говорить надо только со святым

Игнатием, а не с нынешним генералом. Не буду вас обнадеживать. Это очень трудная задача. Лойола донельзя упрям, как все баски. Но, надеюсь, хитер и понимает свою выгоду. Вы отвезете ему письмо.

Господь открыл папку, лежавшую перед ним на столе, вынул оттуда толстый запечатанный конверт и протянул мне.

– Да, еще, – продолжал Учитель. – вам понадобятся документы, – и он аккуратно разложил перед собой четыре паспорта. – Так вот, эти два – обычные паспорта с шенгенской визой, – и он вручил их нам. – А это – дипломатические паспорта. С ними осторожнее. Особенно не размахивайте. Этим вы только обратите на себя лишнее внимание. Пользуйтесь, но в крайнем случае, – и он протянул нам еще по паспорту.

– Удачи вам, – вздохнул он. – Вот возьмите! – и к прочим подаркам он присовокупил две пластиковые карточки. – Здесь по сто тысяч солидов, – пояснил он. – На первое время вам должно хватить. Но не слишком мотайте, – он выразительно посмотрел на моего напарника. – Марк, проследи! На тебя одна надежда. Вот билеты на самолет. Рейс завтра в девять утра.

Я обреченно посмотрел на Господа. Во-первых, я терпеть не мог самолетов. А во-вторых, никогда не вставал раньше двенадцати.

– Ничего не поделаешь, Пьетрос, – жестко сказал он. – Мосты разрушены прошлогодним наводнением. Поезда не ходят.

Он вздохнул.

– Я посылаю вас в пасть ко льву! Держите! – и он вручил нам по спутниковому телефону. – Если почувствуете что-нибудь неладное, сразу сообщите мне. Телефоны прямые, закрытая линия. Старайтесь пользоваться только ими. Ну, давайте обниму вас на прощание.

И он заключил нас в объятия. Марк, впрочем, не потерпел такого нарушения субординации, аккуратно освободился из объятий, преклонил колени и поцеловал ему руку. «Как я буду общаться с этим, мало того, что солдафоном, так еще и подхалимом, – грустно подумал я. – Вот, одарил Господь напарником!»

Почувствовав себя богатым человеком, я первым делом направился на Пушку, в тамошний бутик. Марк угрюмо потащился за мной. В бутике я обзавелся шикарным пиджаком малинового цвета, блиставшего золотыми пуговицами с надписями «Nino Ricci», ярко-зеленым галстуком и итальянскими ботинками, якобы ручной работы. Марк только с ужасом смотрел на цены и осуждающе на меня.

– Да что тебе моих денег жалко? – наконец не выдержал я.

– Не твоих, а казенных, – уточнил Марк.

– У нас дипломатическая миссия, – попытался оправдаться я. – Мы должны быть прилично одеты.

– В нормальном магазине можно купить то же самое в два раза дешевле.

– Ты ничего не понимаешь! Здесь же гораздо круче!

Я уже переоделся в новый костюм и с отвращением запихивал в полиэтиленовую сумку свои раздолбанные кроссовки, потертые джинсы и черную майку с изображением рок группы «Номо militaris».

– Ничего не будешь себе купить?

– Нет! – зло ответил Марк.

– Слушай! – обрадовался я. – Я тебе сейчас покажу такое место!

Вообще, я не знаток географии московских ресторанов, но у меня был друг, биржевой спекулянт и большой любитель подобных заведений, который меня несколько просвещал в этой области. И я потащил моего напарника на Гоголевский бульвар в ресторан «Репортер». Надо же как-то задобрить этого жмота. Все-таки работать вместе, никуда не денешься.

Мы оказались в мире зеркал и искусственной растительности и сели за столик с огромной вазой с фруктами посередине. Я широким жестом заказал две порции осетрины на вертеле, черную икру и бутылку Шампанского. Брови Марка медленно поползли вверх.

– Зачем это? – испуганно спросил он, и скромно взял из вазы яблочко голден.

– *Gaudeamus igitur!* – пропел я.

Марк еще больше насупился. Возможно, его знания латыни не хватило даже на это.

– Да не стремайся ты, все же за мой счет.

– За казенный, – тихо повторил Марк. И я понял, что он сдается. Осетрину, впрочем, он уничтожил, кажется, без всякого удовольствия. Принесли икру. Я взял ложку и сладострастно запустил ее в вазочку. Одна икринка кокетливо зависла с обратной стороны, и я слизнул ее языком.

– Икру ложками! – ужаснулся Марк и мрачно сделал себе бутерброд. Похоже, он тоже не был доволен своим напарником, то есть мной. Эх, Господь! Тоже мне! Хоть бы подбирал людей по психологической совместимости.

Шампанское мы уничтожили на паритетных началах. Но на Марка оно не оказало ровно никакого действия, что, верно, свидетельствовало о его привычке к крепким напиткам. Моя же веселость, и так немеренная после получения пластиковой карточки, теперь откровенно зашкаливала.

На выходе из ресторана Марк попросил у меня телефон, и я легкомысленно дал.

– Я тебя завтра разбужу, – пояснил он.

– Ага.

Вечером я в первый раз за последние несколько лет героически не включил модем. «Все-таки Господь – хороший парень, – преданно думал я, любуясь новым прикидом. – Пусть будит этот проклятый Марк. Хоть в шесть часов!» – и я почувствовал себя лежащим под танк.

На следующее утро, а именно часов в пять, зазвонил телефон. Я лениво протянул к нему руку и бросил трубку. Телефон зазвонил опять. Я повторил операцию и повернулся на другой бок. Но телефон не унимался. Тогда я решил взять его измором, и не прикасался к нему, по крайней мере, минут пятнадцать. Но у того, на другом конце провода, терпения было больше, и я сдался.

– Алло, – сонным голосом пробормотал я.

– Петр, пора вставать, – услышал я спокойный голос Марка. – На самолет опоздаем.

– Марк, – жалобно проскулил я. – А может, не поедем?

– Вставай, засоня! Ради твоего же блага. Наш Господь не только улыбаться умеет. Я это, как специалист говорю. Я его дольше знаю. Живо отберет у тебя карточку.

Последний аргумент подействовал, как нельзя лучше, и я начал одеваться.

Глава 4

Самолет набирал высоту, пересекая плотный слой серых облаков. При этом он слегка покачивался из стороны в сторону, а иногда медленно опускался вниз, как корабль на волне, и я судорожно хватался за подлокотники кресла. Марк с презрением смотрел на меня. Только когда мы приземлились в аэропорту Мадрида и ступили на твердую землю, я облегченно вздохнул. Но не тут-то было. Здесь царила жуткая жара. Градусов пятьдесят. Раскаленный воздух коварно заполнил легкие. Когда мы добрались до города, моим единственным желанием было забраться в фонтан. Тем более, что мы как раз оказались рядом с таким симпатичным водосодержащим сооружением в стиле барокко. Но Марк взял меня за рукав.

– Пойдем, у нас дела есть.

– Марк! Они что всегда так живут? Это же изжариться можно. Заживо!

– Мне тоже жарко, – спокойно сказал Марк и вытер пот со лба. – Но нам надо идти на вокзал. Там должны быть электрички до Памплоны.

– Марк! Какие электрички? Ну, может, до Памплоны нас и довезут, но неужели ты думаешь, что электрички ходят к Лойоле? Нам надо купить машину.

Вообще-то машину можно было и арендовать, но не хотелось связывать себя никакими обязательствами и привлекать к себе лишнее внимание. Владельцу автомобиля будет наверняка небезинтересно узнать, куда его собственность уехала.

Как ни странно, Марк, не смотря на все свое скупердяйство, довольно быстро согласился, и мы отправились покупать автомобиль.

Торговля шла прямо под открытым небом, на стоянке, и один из покупателей яростно ругался с хозяином о цене.

– Слушай, Петр, а на каком языке они говорят? – озадаченно поинтересовался Марк.

– На испанском, – небрежно бросил я.

– А почему же все понятно?

Я опешил. Факт. Мы с Марком понимали по-испански. Причем, это настолько не составляло никаких трудностей, что я даже не сразу сделал это открытие.

– Так вот, что имел в виду Учитель, когда говорил, что язык – это не проблема! – воскликнул я.

– Угу, – довольно кивнул Марк.

После недолгих препирательств мы остановились на фольксвагене «Golf», поскольку дешевле был только «Opel», а мне его когда-то не рекомендовали, как машину нежную и хрупкую.

Все-таки «Фольксваген» – хорошая машина, очень даже, хоть и «народный автомобиль». Всегда о такой мечтал. Мягкий ход, автоматическая коробка передач. Не то, что какой-нибудь «Москвич», где рука болит от бесконечного переключения скоростей...

Мимо плыли невысокие лесистые горы, в долинах раскинулись виноградники и поля пшеницы, уже скошенные, с аккуратными круглыми скирдами, похожими на нарезанный рулет. Пахло хвоей и лимонником. Поля сменяли маленькие деревни и городки с белеными домиками с черными линиями по второму этажу, под красными черепичными крышами. И здесь в машину врывался запах олеандров. Розовые, белые, багровые они цвели почти возле каждого дома.

Горная дорога была такой ровной и ухоженной, каких и в Москве мало. Дык, Пиренеи! Не Урал какой-нибудь или Кавказ, где езда по горным дорогам в кайф только для любителей адреналина. Хотя, все равно мотает здорово. Повороты, спуски, подъемы.

У меня был друг, который не любил водить машину, тот самый биржевой спекулянт. Мошенник он был прожженный и авантюрист. Выехал как-то на встречную полосу и разбил свое «Вольво» о «Волгу» министра Правительства Москвы. С тех пор за руль не садился, говорил: «Муторное занятие!» и нанимал шоферов. Никогда его не понимал. Такое наслаждение!.. Особенно по здешним дорогам.

Я с трудом выторговал у Марка право сесть за руль, настолько он не доверял моим способностям. Но, увидев, что я все-таки не совсем «чайник», блаженно откинулся на сиденье и расслабился. Настроение портило только жара. В салоне автомобиля можно было запросто свариться, и мы то и дело передавали друг другу бутылку охлажденной «Колы». Когда мы миновали Памплону, в лесу справа от нас возник расширяющийся клин пожелтевших деревьев.

– Странно, – удивился я. – До осени еще Бог знает сколько!

– Обрати внимание на стволы.

Стволы были обгоревшие.

– Зеленка не горит, – добавил Марк. – А огонь идет вверх. Потому и клин.

Я даже обиделся. В конце концов, у кого из нас университетское образование?

Такие выгоревшие клинья встречались еще не раз, а однажды мы видели далекий дым и выжженные поля. Еще бы в такую жару! Как мы сами еще дышали?

Мы купили перекусить в маленькой горной деревушке, и я спросил, далеко ли до резиденции Святого Бессмертного Игнатия Лойолы.

– Отсюда еще километров пятнадцать. Третья развилка. Только вас не пустят, – хозяин магазинчика усмехнулся в черные усы. – Там стоит кордон братьев иезуитов и всех заворачивает. Старик Иньиго вообще никого не принимает. А уж туристов, – он выразительно посмотрел на нас.

– Терпеть не может.

– Нас примет, – весомо возразил Марк.

Черноусый пожал плечами.

Иезуитский кордон представлял собой двух молодых людей в серых пиджачках поверх беленьких рубашечек и при галстуках.

– Как они не задыхаются в такую жару! – изумился я.

Мы вышли из машины и направились к иезуитам.

– Здесь проезд закрыт! – объявил один из них. – Это не туристский объект.

– Мы не туристы, – успокоил я. – У нас дело к Святому Бессмертному Игнатию Лойоле. Мы прибыли с дипломатической миссией от Эммануила, первого консула Российской республики.

На меня посмотрели с явным недоверием. Тогда я достал дипломатический паспорт и помахал им перед носом серопиджачников. Марк последовал моему примеру. Паспорта были пойманы и тщательно изучены. Охранники переглянулись, в их глазах мелькнул интерес. Один из серых вынул мобильник и удалился куда-то в кусты. Мы терпеливо ждали.

– Проезжайте, – провозгласил он, когда вернулся. – Святой Игнатий примет вас.

Мы с облегчением вздохнули и сели в машину.

Жилище Лойолы представляло собой немаленьких размеров двухэтажный дом с арочной галереей по второму этажу, башенками и черепичной крышей. Над крышей торчала белая тарелка спутниковой антенны, а возле «хижины отшельника» находилась часовня.

Нас впустили и отвели в гостиную. Здесь бывший генерал ордена промурыжил нас около часа. И когда Марк отмерял по комнате, от восточного окна к западному, по крайней мере, пятый километр, хозяин, наконец, соизволил появиться в дверях.

Он был среднего роста, лыс, имел маленькую клинообразную бородку, впалые щеки, нездоровый желчный цвет лица и к тому же слегка прихрамывал. Я вспомнил, что эта хромота – следствие раны, полученной Лойолой еще в молодости, когда он служил офицером в армии Карла V и защищал цитадель в Памплоне.

Я шагнул к нему навстречу и преклонил колено, чтобы поцеловать руку, но почувствовал на себе его цепкий взгляд и поднял голову. Лойола побледнел, отошел на шаг и впился глазами в мои руки, а потом в руки Марка.

– Вы служили вместе? – без предисловий резко спросил он.

– Нет, – удивился я. – Я никогда не служил, падре.

Лойола задумался. Казалось, он был в нерешительности. Он не дал мне поцеловать руку и не позволил встать. Я так и стоял, преклонив колено, в отличие от прямого Марка, не испорченного иезуитским образованием.

– Эммануил что-то передавал для меня?

– Господь! – поправил Марк, но поймал на себе горящий взгляд глубоко посаженных глаз Лойолы и сразу замолчал.

Я протянул святому Игнатию письмо, но он даже не раскрыл его.

– Что у вас за татуировка, молодой человек?

– Какая татуировка?

– На правой руке. У вас и вашего друга.

Я тупо уставился на свою руку. Там ничего не было. Марк тоже увлекся аналогичным исследованием и, судя по его реакции, с тем же результатом.

– Но у меня нет никакой татуировки! – воскликнул я.

Лойола задумался еще больше.

– Встаньте, молодой человек, – наконец сказал он мне. – Вам с вашим другом отведут комнату на втором этаже. Я обдумаю ответ.

– Совсем старик из ума выжил, – тихо сказал Марк, когда мы поднимались по лестнице. – У него уже галлюцинации. Хотя, говорят, он и раньше был помешанным. И дался он Господу!

И, несмотря на вбитый в голову в колледже пиетет перед святым Игнатием, я подумал, что на этот раз Марк, пожалуй, прав.

Когда мы вошли в нашу комнату, первым делом я бросился к окну и широко распахнул его. Марк понял мой замысел и оставил дверь открытой. Но прохлады это не прибавило. Воздух на улице был раскален больше, чем в доме. К тому же становилось жарче.

– Слушай, по-моему, где-то внизу журчит вода, – сказал я Марку. – Может, пойдем погуляем?

– Ты выдаешь желаемое за действительное. На улице еще хуже. Жарко

– залезь в душ.

– А, где здесь душ?

Марк лениво поднялся с кровати.

– Пойдем спросим.

Выходя из комнаты, мы обнаружили, что дверь не запирается. Это несколько насторожило Марка.

– Брось! Воровать здесь некому, – сказал я.

Но Марка это не особенно успокоило. Между тем, дом как вымер, и мы все-таки вышли в сад. Он был огорожен витиеватой железной решеткой и воды не содержал. Тогда мы направились к воротам, охранявшимся кордоном иезуитов.

– Вы куда, господа? – окликнули нас. – Вернитесь!

– Почему?

– Приказ святого Игнатия Лойолы.

Марк помрачнел еще больше.

– Ну что ж, пошли обратно, – вздохнул я.

На пороге нас встретил сам основатель Общества Иисуса. Он был явно не в духе.

– Как вы смели открыть окно? – прогремел он. – Вы мне весь дом изжарите!

– Но, падре, очень душно, – попытался оправдаться я.

– У вас что, кондиционера нет?

ТЬфу! Блин! Дикие мы люди. Так значит здесь кондиционер! Впрочем, а почему дикие? Просто, у нас куда холоднее. Зачем в нашем климате кондиционеры?

– Мы не знали.

– А ну идите сюда! – крикнул Лойола тоном учителя, собирающегося немедленно выпороть нерадивого ученика. Я с опаской подошел. Марк потянулся следом.

Тогда святой Игнатий взял со стола лист бумаги и ручку и нарисовал на нем странный символ, напоминающий правозакрученную свастику, но трехлучевую и с закругленными, а не ломанными концами и кругом в центре.

– Что это за знак? – резко спросил Лойола.

Мы переглянулись и дружно пожали плечами. Святой так и буравил нас глазами. Но, верно, буровые работы не дали ожидаемых результатов, и он зло швырнул бумагу на стол.

– Идите и включите кондиционер. Окон не открывайте. В пять часов я жду вас на мессе.

– Старый брюзга, – шепнул я Марку уже возле двери нашей комнаты. – Не понимаю, как мог до этого докатиться человек, объявлявший себя рыцарем Пресвятой Девы и один ходивший проповедовать в Палестину?

– Как до этого мог докатиться бывший офицер? – вздохнул Марк.

Мы честно закрыли окно и повернули на холод регулятор кондиционера. Сразу стало легче. Марк перевел дух и вдруг застыл посреди комнаты.

– Петр, здесь был обыск.

– С чего ты взял?

– Сумка моя чуть-чуть не на месте, и твоя тоже. Стул стоял не совсем так, его повернули к столу. Аккуратные сволочи, но они недооценили, с кем имеют дело.

– Марк, у тебя фобия.

– Проверь лучше свои вещи.

Я проверил. Все было на месте. Марк тоже не обнаружил пропажи, но мрачно заключил:

– Не нравится мне это!

Я развел руками. Мне это тоже не особенно нравилось. В обыск я не верил, но нас отсюда не выпускали, и это было реально, а Лойола вел себя более, чем странно. Тем временем в комнате стало холодно, даже слишком. То есть, как в холодильнике. Я застучал зубами и передвинул регулятор кондиционера на жарко. Проклятый прибор мигом среагировал, и через полчаса мы снова задыхались. Мы просражались с дурацкой машиной до самого времени мессы, плюнули и пошли в часовню.

– Сегодня службы не будет, – объявил нам в дверях молодой иезуит. – Падре стало плохо! – и посмотрел на нас так, словно это мы – первопричина всех несчастий.

Лойолу мы увидели только поздно вечером. Нас пригласили в его комнату и позволили подойти к кровати. Святой лежал на высоких белоснежных подушках, тяжело дышал и страдальчески смотрел на нас.

– Совсем довели старика, – пожаловался он. – Топаете, стучите, с кондиционером творите непонятно что.

– Извините, – пролепетал я.

– Что вы хотите от бедного отшельника? – тем же тоном продолжил Лойола. – Я больше ничего не решаю в Обществе Иисуса. Вам нужно говорить с генералом ордена педро Аррупе. Он был во Франции и сейчас возвращается домой. Если вы завтра утром выедете ему навстречу, то найдете его в Фуа. Я поставил его в известность. Он будет ждать вас.

– А может быть, мы подождем его здесь, – осторожно предположил Марк, но иезуиты посмотрели на него так, словно он задумал убийство: «Приехали, побеспокоили святого отшельника, довели до инфаркта своими безобразиями и хотят чего-то еще!» Марк понял и замолчал.

– Спасибо, падре, мы завтра выезжаем, – попытожил я.

Наступило утро.

– Неужели ты веришь этому интригану? – спросил Марк, когда мы садились в машину. – Попомни мое слово: он что-то задумал.

– Ты слишком подозрителен.

– Господь сказал, что Лойола руководит орденом, а теперь он от этого отрекается. Ты кому больше веришь Господу или этому иезуиту?

Я пожал плечами.

– Все могут ошибаться.

– И, что такое Фуа? Что ему там делать? Почему Фуа?

– Не знаю.

Марк вздохнул.

– Мы должны связаться с Господом и немедленно. Мы же обещали отчитаться!

– Телефоны в сумке, – устало сказал я.

Марк выпотрошил мою дорожную сумку и наконец извлек откуда-то со дна телефон. Затем выдвинул антенну и попытался набрать номер. Но телефон не реагировал.

– Может быть, от жары, – предположил я. – Кстати, здесь тоже, наверное, есть кондиционер...

– Ха! «От жары!» От иезуитов. Недаром они обыскивали нашу комнату.

– Попробуй мой. Может, он в порядке.

Марк попробовал, но с тем же результатом.

– Все! – заключил он. – Мы никуда не едем, пока не свяжемся с Господом.

– Как? – невинно поинтересовался я. – Из автомата позвонить? Куда? В администрацию Первого Консула?

Марк задумался.

– Пожалуй, не стоит.

Да, автомат не «вертушка». Пропускать информацию через десяток лишних ушей не хотелось.

– Слушай, – наконец сказал он. – Ты, вроде, программист?

– Да.

– Вот, мне тут Филипп написал что-то такое. Я в этом все равно ничего не понимаю, – и он протянул мне изрядно помятый клочок бумаги. На нем был написан самый натуральный электронный адрес, причем московский.

– Да, e-eris. Это Филиппов?

– Его, – обрадовался Марк. – Значит, мы напишем Филиппу, а он передаст Господу. Это можно будет сделать?

– Да можно-то можно. Думаю, здесь нет недостатка в компьютерах с модемами. Только писать что-то в электронном письме – это все равно, что кричать об этом на площади. Интернет – это же проходной двор!

– И что никакой защиты информации? – расстроился мой спутник.

– Практически.

– Ничего, я напишу так, что будет понятно только Господу.

– Только недолго. Я все же считаю, что мы должны поехать в Фуа.

Марк посмотрел на меня, как на идиота.

Путешествие оказалось более приятным, чем к Лойоле, поскольку я нашел кондиционер и закрыл окна.

Компьютер с выходом в сеть мы обнаружили в ближайшем кемпинге и арендовали его за бешеные деньги – пять солидов в час. Но ничего не поделаешь. Марк был упрям, как бык. Куда скарედность делась! Письмо он послал странное (то есть послал его я, а он только придумал). Оно содержало единственное слово «Фуа» и знак вопроса. Я усмехнулся.

– И это «отчет»?

– Да, отчет, – уверенно сказал мой напарник. – Господь все поймет.

Я пожал плечами.

– А теперь поедem в Фуа.

– Никуда мы не поедem. Надо дождаться ответа.

– Ты что с ума сошел? Ответ будет самое раннее вечером, а скорее всего завтра утром. Генерал ордена не будет ждать нас столько времени.

– Ну и черт с ним!

– Ладно, сиди здесь, как приклеенный! А я поеду, – и я направился к выходу.

– Подожди. Научи меня сначала обращаться с этой штукой, – Марк указал на компьютер.

– А потом убирайся на все четыре стороны.

Я вздохнул и сел рядом. Марк отличался редким компьютерным дебилизмом, и я полчаса объяснял ему, на какую клавишу надо нажать, чтобы принять почту, послать почту, создать письмо, уничтожить письмо... Наконец, он меня достал. Я выразительно посмотрел на часы. Было далеко за полдень.

– Ну извини, Марк. Дальше сам разберешься. Я еду.

– А ну сядь на место. никуда ты не поедешь. Я сказал!

– Я не солдат. А ты не прапорщик на плацу! – я подхватил свою сумку и вышел из комнаты. Этот солдафон, верно, смирился с нашей разлукой (я усмехнулся) и не стал меня преследовать. Я сел в машину, ничуть не раскаиваясь в том, что оставляю этого идиота без средства передвижения.

Глава 5

Я чуть коснулся руля, и «Фольксваген» послушно вписался в очередной поворот. У обочины стоял парень, по виду студент, и голосовал. Бывало, мне тоже приходилось выходить на трассу. Однажды попался «летающий КАМАЗ». Дождь жуткий, трасса мокрая, а деревья за окном так и мелькают. Смотрю на спидометр: «ноль». «А что со спидометром-то», – спрашиваю у водилы. «Да сломан давно». Оборачивается он ко мне, и до меня доходит: «баба». Я усмехнулся, вспоминая автостопскую юность, подрулил к краю дороги и остановился.

Парень был высок и худ, волосы имел черные и слегка выющиеся, а черты лица тонкие и благородные. Я подумал, что, наверное, так выглядел д'Артаньян, если добавить усы и бородку. Когда он устраивался на сиденье справа от меня, мне почудилось в его облике что-то неуловимо знакомое, как забытое слово, которое крутится где-то на периферии сознания, а вы все никак не вспоминается.

– Quo vadis? – спросил я. Это было одно из немногих выражений, которые я помнил на латыни, кроме компьютерных терминов, так что не очень надеялся, что пойму ответ.

– Здесь недалеко, в горах, – ответил пассажир по-французски и мило улыбнулся. И снова, как молния, которая на мгновение осветила какое-то скрытое знание и вновь погасла. Эта улыбка! А главное, я понял, что он сказал, и понял с легкостью, труднообъяснимой полузабытыми уроками пятнадцатилетней давности. Испанский, теперь французский... Интересно, это общее правило?..

– Вы студент? – я с удовольствием отметил, что говорить по-французски тоже получалось.

– Да-да, сейчас каникулы. Путешествую автостопом.

Он зачем-то внимательно изучал мои руки, спокойно лежащие на руле. Да нет ничего примечательного в моих руках!

– Сорбонны? – с уважением поинтересовался я.

– Да, – рассеянно ответил он. – Сейчас будет развилка. Вы не могли бы повернуть налево, на верхнюю дорогу? Здесь недалеко. Это не займет много времени.

Я пожал плечами и повернул налево. В общем-то, я не торопился. Верхняя дорога оказалась уже и вилась в тени буков и акаций, действительно круто забирая вверх. Слева возвышались желто-черные отвесные скалы, с гротами в зарослях плюща, а справа, далеко внизу, лежала долина. Желтые поля подсолнухов и светло-лиловые кукурузы, аккуратно разгороженные проволокой на низких колышках и узкими полосками кустарника на лоскуты частных владений. Луга с белыми французскими коровами. А дальше, по отрогам гор, – темная зелень елового леса. И «chateau», «chateau», «chateau» (то бишь замки) торчащие почти на каждой горе.

Мы повернули, и скалы сменились пологим зеленым склоном. Вдруг двигатель заглох, и машина остановилась, как вкопанная. Я выругался, вылез из автомобиля и открыл капот. Насколько я любил водить машину, настолько и ненавидел копаться в ее внутренностях. Ком-

пьютер – другое дело. У компьютера кишки чистенькие, приятные. А здесь все в каком-то масле и бензином воняет. Моих скромных знаний в области автомобилестроения не хватило на то, чтобы найти поломку, и я с досадой захлопнул капот и вернулся в машину. Попытался завести. Тщетно.

Студент, усмехаясь, посмотрел на меня.

– Встаньте и выйдите из машины! – тихо, но властно сказал он.

– Так вот оно что! – взбеленился я. – Это твои проделки! Что, ограбление? Не пройдет!

В бардачке у меня хранился пистолет, которым я, правда, не особенно умел пользоваться. Но все же я молниеносно кинулся к нему. Бардачок оказался пуст. Зато в бок мне упиралось что-то твердое.

– Это то, что вы искали, – спокойно заметил автостопщик. – Встаньте и выйдите из машины. Пистолет заряжен, сами знаете. Это не ограбление.

– А что же? – возмущенно спросил я, вылезая из «Фольксвагена».

– Гораздо хуже. Вверх по склону. И не заставляйте меня ждать!

– Что хуже? – попытался выяснить я, но парень требовательно смотрел на меня, а еще требовательней на меня смотрело дуло пистолета. И я поплелся вверх по осыпающимся камням и сухим колючкам.

Наверху поддельного студента ждали два амбала, одетые, как ни странно, в цивильное, и на меня уставились еще два ствола.

– Камиль! – бросил «студент» одному из амбалов. – Надень на него наручники.

– Да, монсеньор.

– Жак, держи его на прицеле.

Этот самый Камиль не слишком вежливо заломил мне руки, я дернулся и уперся локтем во что-то твердое. Это оказался амбалов живот. Очевидно, дополнительный объем бандитам придавали надетые под пиджаки бронежилеты.

Перед моим носом появился чистенький белый платочек и мелькнули тонкие пальцы «монсеньора». Он завязывал мне глаза.

– Пошли!

Дорога поднималась вверх между колючими кустами. Скорее всего, ежевики. Здесь она с успехом заменяет колючую проволоку в оградах частных владений. А частные во Франции даже дороги. Итак, вероятно, мы ступили на чью-то «privé» территорию, что ничуть не сказалось на ее окультуренности. Трава и скользкие камни, наверное, выступы скалы. Подозреваю, что мы шли просто по целине, по горам. Но упасть мне не давали, заботливо поддерживая под руки.

Вскоре впереди послышался гул, поднялся ветер. «Вертолет», – предположил я и оказался прав: меня захихнули на сиденье, и мы поднялись в воздух. Трудно сказать, сколько мы летели. Недолго. Может быть, полчаса. Там, куда мы приземлились, меня извлекли из вертолета, долго вели по каким-то лабиринтам и, наконец, заперли в комнате, так и не развязав и не сняв повязки с глаз.

Время тянулось медленно и занудно. У меня ничего не взяли: часы швейцарские, довольно приличные, документы и кошелек, далеко не пустой – все было на месте. Тогда с чего я им сдался? Выкуп? Они знают, кто я? Они – враги Господа?..

Мои размышления прервал скрип открываемой двери – меня снова куда-то повели.

Винтовая лестница. Холод стены. Гулкие камни коридора. Поворот. Еще и еще. Черт ногу сломает!

Передо мной распахнулись двери и закрылись за моей спиной. Я почувствовал, что кто-то развязывает платок. Повязку убрали, и я чуть не ослеп от яркого света.

Это был большой зал с высокими сводами, судя по каменным стенам и узким, напоминавшим бойницы окнам, принадлежавший какому-нибудь средневековому замку. Сквозь

«бойницы» пробивались прямые лучи закатного солнца, широкими светлыми ножами разрезая сумерки зала, и падали на многочисленные штандарты и знамена исключительно пурпурного бархата. На знаменах соседствовали глаза, циркули, треугольники, чаши и различных форм кресты. Я подумал, что у здешних хозяев в голове жуткая каша. Хотя, возможно, каша в голове была как раз у меня.

В конце зала на почетном месте располагалась старинная мраморная статуя, изображавшая пастуха, держащего на плечах овцу, а перед нею вдоль длинного стола на обитых красным бархатом высоких стульях расположилось некоторое общество, возглавляемое давешним «студентом». «Студент» был одет в странные свободные одежды пурпурного же цвета, украшенные кистями. Этот наряд мог бы показаться карнавальным, если бы его обладатель не держался столь величественно. И теперь, когда я уже не принимал его за праздношатающегося автостопщика, когда с него спал этот демократический налет, я наконец понял, кого он мне напоминал. Во главе стола сидел молодой человек отдаленно похожий на Учителя. Его сподвижники были одеты в белое и весьма различались и по внешности, и по возрасту. Был даже один старец, на правом плече у которого сидел огромный орел и лениво переступал лапами. При этом когти его бесцеремонно впивались в плечо хозяина, а тот даже не реагировал. И я подумал, что под одеждой у старика власяница или кольчуга для умерщвления плоти. Она бы ему очень пошла.

Обладатель орла посмотрел на меня каким-то уж очень пронзительным взглядом и кивнул «студенту». Бессмертный? Я поежился. Все это уж слишком напоминало суд инквизиции. Их было двенадцать. Со «студентом» тринадцать.

– Монсеньор Навигатор, – с уважением спросил у «автостопщика» темноволосый «судья» лет пятидесяти. – Вы уверены? Это он? Есть то, о чем вы говорили?

– Да, никаких сомнений. Отец Иоанн того же мнения, – он посмотрел на старца. Тот снова кивнул. Орел расправил крылья и пренебрежительно крикнул.

– Да кто вы такие, в конце концов? – наконец выпалил я. – Что вам от меня нужно? По какому праву?

– Меня зовут Жан Плантар де Сен Клер, – спокойно представился «навигатор». – А замок Монсальват.

Я нервно расхохотался.

– Может, и Святой Грааль у вас?

– Смотря что вы под этим понимаете, – серьезно ответил Жан Плантар. – У слова «Грааль» много значений.

– Чашу, в которую была собрана кровь Христа, конечно.

– А-а. Нет, уже не здесь. Мы ее переправили. Ну что, мы удовлетворили ваше любопытство? – тон Плантара стал жестким. – Теперь мы будем задавать вопросы, – не дожидаясь ответа сказал он. – Нас интересует человек, называющий себя Эммануилом. Вы знакомы?

Ну конечно! Кто же еще?

– Вы и главу государства надеетесь захватить посреди дороги?

– Нет. С ним мы поступим иначе. Последнему в роду, конечно, не сравниться с первым, но в данном случае... – «навигатор» задумчиво теребил кисть своего странного одеяния. – Так, значит знакомы. Вас он послал в Испанию? Куда остальных?

– Не ваше дело.

– Вы даже не представляете, насколько наше.

– Монсеньор, – тихо сказал полный лысоватый человек, сидевший справа от Плантара. – Сейчас бесполезно с ним разговаривать. Давайтеждемся Клода Ноэля.

– Я не уверен, что это поможет, – задумчиво проговорил «навигатор».

– Да что мы вообще с ним разговариваем? – возмутился старец. – Он достоин смерти! Надеюсь, здесь все это осознают. И вы, Жан, вы что не понимаете, что происходит?

Орел переступил лапами и хищно уставился на меня.

– Он нам еще пригодится, – спокойно заметил Жан, и я вздохнул с облегчением. – Пусть его уведут.

Меня вели куда-то вниз. Запахло сыростью. Электричества не было – только свеча, что держал один из охранников. Ее трепещущее пламя слабо освещало узкую крутую лестницу со стертыми ступенями и голые каменные стены. Наконец, мы оказались в довольно широком подземном коридоре, оканчивающемся ржавой железной решеткой. Мне развязали руки, отперли решетку и толкнули за нее. Я упал на что-то влажное и слегка колючее и решил, что это солома. Свет свечи удалялся и скоро исчез совсем. Я остался в полной темноте. Рядом что-то зашуршало. Возможно, крыса. Нет, крыса, конечно, очень милое животное, если она ухоженная, домашняя и сидит у тебя на плече. Но здесь! Я представил себе нечто отвратительное и облезлое. Меня передернуло. Я сел на предполагаемую «солому» и обхватил руками колени.

Кто они были, мои похитители? Я когда-то читал о высшем красном масонстве. Похоже. Но причем здесь пастушок с овечкой – «пастырь добрый» – раннехристианский символ? Вроде бы масонам положено почитать Хирама – строителя Иерусалимского храма. Хотя, черт их разберет! И почему они подчиняются этому мальчишке, вплоть до седого старца, смотрящего ему в рот? Что они в нем нашли? Впрочем, наш Господь тоже молод... Но, почему они похожи, Господь и этот Плантар? Хотя, не так уж и похожи, просто, один тип лица.

Казалось, обо мне забыли. Я давно проголодался, но никто и не думал нести еду. Да, конечно, я же, по их мнению, достоин смерти. Зачем им лишние расходы!

Непроглядная тьма давила и сжимала в своих объятиях, как огромный спрут. Я старался дышать ровнее, но воздух был сырым и затхлым. Где-то далеко капала вода.

«Зачем им Учитель?» – продолжал размышлять я. – «Они же не инквизиция. Что Плантар там плел о Монсальвате? Этот замок? Ха! Но, возможно, это какой-то тайный орден, и Учитель их ну никак не устраивает. Сатанисты? Тьфу! А «пастырь добрый»?» Я совсем запутался.

Ладно. Главное выбраться отсюда, если это только возможно.

Я на ощупь обследовал место заключения. Те же каменные стены, что и у лестницы, каменный пол, глухая решетка, причем прочная, не поддается. Я простучал все плиты и стены. Ни одной с глухим звуком! Прощупал швы между камнями. Безнадежно! Если бы у меня хотя бы был нож!

В животе бурлило, но глаза слипались. Наверное, уже было давно полночь.

Я обреченно устроился на вонючей соломе и позволил себе заснуть.

Меня разбудил шорох где-то наверху и, кажется, вскрик или стон. Я сел на полу и открыл глаза, от которых, впрочем, все равно не было никакой пользы. Но вот в коридоре замерцал свет свечи. Я вскочил и прильнул к решетке.

– Петр, – донесся до меня тихий шепот. – Ты здесь?

– Боже мой, Марк! Я не сплю? Это, действительно, ты?

– Я, я! Потихе! У них здесь охраны, как в президентском дворце!

– Как ты нашел меня?

– Потом расскажу. Некогда сейчас языком болтать!

Послышался звон ключей, и решетка со скрипом открылась. Я бросился на шею Марку.

– Спасибо! Ты мой единственный друг!

– Отцепись. Потом будешь благодарить. Нам надо еще наверх подняться.

Наверху я споткнулся о труп одного из охранников, но это меня уже не особенно расстроило, ибо в лицо мне ударил ночной горный ветер, наполненный пением цикад, напоенный запахами трав, акаций и кипарисов.

Мы находились на небольшой скальной площадке, и прямо перед нами стоял вертолет с лопастями, обвисшими, как уши побитой собаки.

– За мной, к машине! – скомандовал Марк и кивнул в сторону вертолета.

Я бросился за ним. Мы забрались в кабину, и Марк деловито уселся на место пилота.

– Ты, что умеешь водить вертолет? – удивленно спросил я.

– Конечно, не зря же Господь поручил мне охранять тебя, как дитя малое. Я много чего умею, – и он явно со знанием дела начал нажимать какие-то кнопки и рычажки. Двигатель завелся, и вертолет плавно поднялся в воздух. Я оглянулся. Справа от нас, действительно, возвышался замок с четырьмя увенчанными зубцами башнями. Старинный замок. Кажется, это называется романский стиль в архитектуре. А над черным силуэтом замка в зеленоватом небе плыла огромная полная луна. Наш вертолет качнулся и круто забрал влево, влетев в узкое ущелье между скалами. И «Монсальват» скрылся из виду.

– Ну, так как ты нашел меня? – спросил я, когда мы поднялись над вершинами гор, они уже не целились в нас черными выступами, и мне стало спокойнее.

– Купил старую развалюху у хозяина кемпинга и поехал за тобой.

– Зачем?

– Господь поручил мне это. Я же говорил. Он велел не оставлять тебя без присмотра.

– Какая забота! – я даже обиделся. Что я, младенец, которому нужна нянька! Хотя, с другой стороны, лестно.

– Если бы не я, ты так бы и остался в том подземелье.

– Ладно, не занудствуй! А дальше?

– Дальше я нашел твою брошенную машину и поломанные колючки на склоне. А недалеко от вершины – место посадки вертолета. Потом было труднее. Но я встретил какого-то местного пастуха и порасспросил. Он сказал, что вертолет полетел в сторону ущелья. Там, вроде бы, что-то есть. Но они, местные, туда не ходят. Место дурное. Скалы отвесные, осыпи, каменный хаос. В общем, оттуда еще никто не возвращался, как с того света. А я пошел. И ничего. Правда, по скалам пришлось полазить.

Мы оставили вертолет и пересели в машину Марка.

– А как же мой «Фольксваген»? – с сожалением спросил я.

– Плюнь! Меченая машина. Они знают твой номер.

Я вздохнул.

– Куда теперь?

– В Австрию.

Я удивленно поднял брови.

– Приказ Господа. Я получил от него письмо, по компьютеру.

Научил на свою голову! Марк ради службы таки освоил эту премудрость. Я им искренне восхитился.

– Опять самолетом? – обреченно спросил я.

– Я не сумасшедший в аэропортах светиться.

Я вздохнул с облегчением.

В первом же кемпинге я попросил телефонную книгу. Жана Плантара там не оказалось, верно, имя было вымышленное или, возможно, телефон запрещен к распространению. Зато Клодов Ноэлей было, по крайней мере, человек триста. Я просмотрел первые пятьдесят и сломался.

– Извините, можно ли от вас выйти в «Интеррет»? – спросил я у хозяина.

– Ну, если заплатите...

Я кивнул.

Я запустил «Интеррет Explorer» и вызвал поисковую систему. «Плантар – старинный дворянский род, ведущий свое происхождение от королей из династии Меровингов». Гм... Интересно. Дальше шел список этих самых «Плантаров» с годами жизни. Последним в списке следовал Жан Плантар, оказавшийся несколько старше, чем я думал. Ему было около тридцати, и только у него не был указан год смерти. Значит «последний в роду»...

Клодов Ноэлей, к счастью, оказалось значительно меньше, чем в телефонной книге. И я мужественно решил просмотреть все две дюжины имеющихся там личных страниц. Врачи, адвокаты, ресторан «Ноэль», ателье Клода Ноэля, одеколон «Клод»... Вот! «Клод Ноэль – экзорцист.» Я хмыкнул. Неужели из меня хотели изгонять бесов?

А потом я не поленился организовать поиск на «Фуа». Все-таки в настойчивом марковом «почему фуа?» было рациональное зерно. «Фуа – небольшой городок в Пиренеях, бывшая столица графства Фуа. Имеется старинный замок. Ныне инквизиционная тюрьма и представительство Святейшей Инквизиции». Последняя фраза была только на одном из десятка ситусов.

Я задумчиво встал из-за компьютера, вышел из комнаты и вернулся в машину к Марку. В Фуа нам нечего было делать. Он был прав. Святой Игнатий послал нас прямоком в лапы инквизиторов.

Глава 6

На границе с Австрией два пограничника долго рассматривали наши паспорта, заглядывали под сиденья и попросили открыть багажник и даже капот.

– Слушай, Марк, что это они? – спросил я, когда мы отъехали от пропускного пункта. – Говорят, раньше паспорта-то едва смотрели.

Марк порылся в бардачке и молча протянул мне сложенную вчетверо газету. «Монд» – прочитал я.

«Государственный переворот в Австрии» – гласило заглавие передовой статьи. «Вчера к власти в Австрии пришел так называемый «Всеавстрийский Католический Союз», клерикально-националистическая организация, выступающая за усиление влияния церкви, расширение прав инквизиции и восстановление Австро-Венгерской Империи», – начиналась статья.

Я удивленно посмотрел на Марка.

– Почему ты мне не сказал?!

– Не хотел волновать.

– Ты уж совсем считаешь меня трусливым кроликом!

Марк пожал плечами.

В Вену мы приехали уже вечером. Остановившись в гостинице недалеко от Вестбанхофа¹⁰, мы решили заняться исследованием здешних пабов. Начали с открытой забегаловки на углу, близ Миттельгассе. И здешний светлый «Ципфер» оказался очень даже ничего, по крайней мере, лучше баночного. И мы пошли гулять по вечерней Вене.

Вскоре мы оказались на берегу Старого Дуная и поняли, что хотим еще. По всему руслу располагались плавающие кафе, где играла музыка и мигали разноцветные лампочки, а на тот берег к Пратеру¹¹, сияющему, как новогодняя елка, был перекинут понтонный мост. Впрочем, исследования плавающих пивных дали отрицательные результаты. Места уж слишком злачные и заполненные неграми. Так что вожденный темный «Ципфер» ждал нас только на том берегу. Атракционами Пратера мы не заинтересовались и пошли шляться дальше.

– Марк, слушай, – спросил я. – А ты заметил этих ребят с черно-желтыми повязками?

– Еще бы, – хмыкнул он. – Боевички. По всему пути от Вестбанхофа до Пратера.

Но мне, почему-то, не было смешно. Ребята были вида довольно внушительного, и впечатления не портили даже традиционные пивные животики. Тусовались боевички по двое, по трое, внося нездоровое напряжение в веселую венскую атмосферу.

¹⁰ Нем. Западный вокзал.

¹¹ Парк в Вене.

После Пратера мы, кажется, перешли Дунай еще раз, правда, не помню, в какую сторону, долго плутали какими-то переулками, жутко устали и, наконец, выскочили к многообещающей светящейся надписи: «Бар Манхеттен».

Мы вошли внутрь и спустились по каменной лестнице в какое-то неприятного вида подземелье. Белые оштукатуренные стены подземелья были расписаны анархистскими лозунгами и разрисованы в стиле придорожных заборов. В воздухе висело густое облако табачного дыма, а недалеко от стойки, на деревянной лавке, лежал неряшливого вида парень, явно под кайфом, и блаженно смотрел в потолок. Я заметил, что Марк изучает его с каким-то уж больно причастным интересом, и решил, что моего друга надо срочно отсюда уводить.

– Марк! – позвал я, но тот уже переключился на чтение местного меню, и лицо его просияло.

– Ох, Петр, какие здесь цены! – восторженно воскликнул он.

– У тебя что денег нет? – возмутился я. – Да я бы не стал пить в этом вертепе, даже, если бы мне приплатили!

– Да ладно тебе, чистоплюй. Смотри, как дешево!

Я вздохнул.

– Простите, а на каком языке вы разговариваете? – я уже не удивился, что понял вопрос, хотя он был задан по-немецки. Рядом, возле стойки, стоял румяный белобрысый парень и с любопытством смотрел на нас сквозь очки в круглой оправе.

– На русском, – невозмутимо ответил я по-немецки.

– О! – обрадовался наш собеседник. – А вы слышали, что сегодня утром этот ваш Эммануил захватил Польшу?

– Не «этот наш Эммануил», а Господь, – холодно оборвал я, а Марк свирепо посмотрел на белобрысого.

– Извините, – смутился австриец. – А вы были в России, когда он пришел к власти?

– Да, – непринужденно бросил я. – Мы его лично знаем.

– Да? – окончательно заинтересовался тот. – Давайте сядем за столик, поговорим. Что он за человек? Три пива! – крикнул он официанту.

– Только не здесь! – перебил я. – Но, если вы покажете нам приличный бар, то с удовольствием. Расскажем все, что знаем.

– Конечно. Недалеко от Штефансплац есть замечательное место – «Георгий и дракон». Пойдемте!

Я кивнул.

– Кстати, а вы расскажете нам о Польше. Прозевали мы это событие.

– Хорошо. Кстати, меня зовут Якоб Зеведевски, – и он протянул мне руку. Я пожал ее, и моему примеру лениво последовал Марк.

«Георгий и дракон», действительно, оказался славным заведением. Стену украшало огромное панно с изображением Святого Георгия в средневековых латах. Дракон напоминал тиранозавра, но был гораздо мельче и крылья имел маленькие, как у летучей мыши. На заднем плане, под деревом пряталась девушка в платье шестнадцатого века и наблюдала за ходом сражения, а вдалеке виднелась готическая колокольня.

Мы сели за массивный деревянный стол, вероятно долженствующий вызывать ассоциации со средневековым трактиром. От современности была чистота, мягкий свет и тихая музыка.

Больше всего мне понравилось отсутствие курильщиков.

– Заказывайте «Kaiser Bier», – посоветовал нам новый знакомый. – Это пиво месяца.

Мы послушались и не пожалели... Это да! Пиво так пиво! Бархатное и скорее сладкое, чем горькое. Полнота жизни, острейшее ощущение бытия. Наши приключения показались далекими и нереальными, а Господь Эммануил – досужей выдумкой болтливой посетителя.

Сначала мы насладились темным, потом светлым.

– Так, что он за человек? – Якоб вернул мне чувство реальности.

– Он не человек, – ответил я. – Он Господь, и этим все сказано.

Марк согласно кивнул.

– От него такие флюиды исходят, что люди идут за ним, сами того не ожидая. Он Бог, и это не метафора, – продолжал я. – Чудеса творит, но это ничто перед ним самим – он самое удивительное чудо.

Якоб смотрел с сомнением.

– Сомневаетесь? Это нормально. Я тоже сомневался, пока не увидел. Увидите – кончатся все сомнения. Пойдете за ним, забыв себя, семью, работу, планы и амбиции. Не вы первый – не вы последний. Сколько уже таких было! Он лечит безнадежных и поднимает мертвых. Я был арестован инквизицией, и он освободил меня. Наступает новая эпоха – эра Христа. Это второе пришествие. Вы еще не поняли?

Якоб поморщился и отпил пива.

– Вы читали Кира Глориса? Он уже переведен на немецкий? – спросил я.

– Переведен, но не читал.

– Почитайте. Книга затягивает, хочется читать еще и еще, пока не примешь ее всем сердцем, – я говорил правду. Вozил с собой, перечитывал. – На первый взгляд ничего нового, но слова, как причастие, как просветление, как лестница Иакова. Читаешь и наслаждаешься, и веришь, и тебя захлестывает радость.

– У нас писали, что «Кир Глорис» псевдоним Эммануила...

Я таинственно улыбнулся.

– А у вас тут что происходит? Последний оскал Тьмы перед капитуляцией Свету? Между прочим, Эммануил упразднил инквизицию.

Последнее Якобу явно понравилось.

– А у нас эти, – поморщился он. – По всему городу аресты. Скоро жечь начнут... Слушайте, может, я позову своих ребят, и вы расскажете о вашем Учителе?

– А что за «твои ребята»?

– «Союз студентов-анархистов», – гордо заявил Якоб.

Я вздохнул.

– Учителю это не понравится.

– Нам тоже не нравится мысль о Всемирной Империи, но инквизиция хуже, – вздохнул он. – Мы в «Манхеттене» собираемся.

– Только не там! – простонал я.

– Ладно. У моего отца виноградник и хойригер в Мёдлинге. Там и соберемся. Правда, виноград в этом году не уродился. Все выгорело. Засуха. Но ничего. Молодому вину все равно еще рано.

Мы обменялись телефонами и направились к выходу.

– Кстати, здесь рядом собор святого Штефана, – сказал Зеведевски.

– Вы там уже были?

– Нет пока.

– Обязательно посмотрите. В этом году исполняется восемьсот пятьдесят лет с момента его основания. Романо-готический стиль. Самый большой в Вене колокол. Готика 14-го века...

– Завтра, – зевнув, ответил я.

На следующее утро у нас в номере зазвонил телефон. Это был Якоб. Он пригласил нас в хойригер к семи вечера. Оставалась еще уйма времени. Первую половину дня мы посвятили осмотру Музея Истории Искусства и любовались многочисленными Ван Дейками, Крайерами, Брейгелями и единственным Вермеером. Марк, впрочем, предавался этому с меньшим энтузиазмом, чем я, и к концу экспозиции начал откровенно позевывать. Я решил пока больше

не мучить его бесценными шедеврами, и мы отправились обедать, а потом в собор святого Штефана.

Он открылся перед нами неожиданно – огромное здание на маленькой площади, со всех сторон окруженной домами. У входа мы преклонили колени и коснулись рукой земли. Справа, у изображения Мадонны горели свечи, маленькие и широкие, а не как у нас, тонкие и длинные. Стройные колонны поднимались к кружевным каменным сводам, а вдали, за алтарем, сияли витражи. Мне вдруг пришло в голову, что я уже очень давно не был в церкви. Хотя зачем, если Господь рядом, и вместо того, чтобы целовать распятие, можно коснуться губами его руки?

– Петр, – услышал я усталый голос Марка. – Что-то у меня сегодня совершенно не молитвенное настроение. Может быть, я тебя в «Георгии и драконе» подожду?

– Ладно. Только меру знай, – и я один пошел вглубь храма. Справа, из-под одной из витых лестниц на кафедру на меня ехидно взглянул каменный мастер Пилграм – архитектор собора, а у стен рядами сидели пухлые святые позднего средневековья.

Я сел на скамью слева от прохода. Раздались звуки органа. Все встали. Священник подошел к алтарю и поцеловал его.

– In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti¹².

– Amen, – ответили все.

И тут со мной начало твориться что-то странное. У меня закружилась голова, и я схватился за пюпитр, чтобы не упасть. Но ничего. Прошло, почти сразу. Правда, я уже не воспринимал слова молитв, только машинально повторял губами узаконенные ответы. Отцы иезуиты в колледже святого Георгия постарались на славу! Я мог бы наизусть отчеканить канон, даже, если бы меня разбудили среди ночи. После обряда покаяния все сели, и я вздохнул с облегчением. Но впереди еще была Литургия слова, Евхаристическая Литургия и Евхаристические Молитвы, на которых надо было вставать или преклонять колени.

Первую я выдержал. Но дальше...

Священник взял хлеб и вознес его над алтарем. Затем вино. Последовала молитва над святыми дарами. Пропели «Осанну в вышних». Произнесли «прославление святых». Все опустились на колени.

Стало душно. Странно, такой большой храм и никакой вентиляции! Витражи расплылись перед глазами и превратились в яркие синие пятна. Голова кружилась. Казалось, собор давил на меня всем огромным весом каменных сводов. Я попытался встать, чтобы покинуть храм, но ноги подкосились, и на меня обрушилась тьма.

Я почувствовал острый запах нашатырного спирта и открыл глаза. Вокруг меня суетились, по крайней мере, человек пять во главе со священником.

– Вызовите скорую помощь! – крикнул кто-то. – Возможно сердечный приступ.

Да со мной с роду никогда не было никаких сердечных приступов. Оно всегда работало, как часы. Да и клаустрофобией не страдал. Более того, это был первый обморок в моей жизни.

Меня взяли под руки, подняли и усадили на скамью.

– Спасибо, не надо скорую помощь, – сказал я. – Мне уже лучше, – и сжал пальцами виски. Все же мне было не так хорошо, как хотелось бы. – Давайте выйдем отсюда! – тяжело дыша, проговорил я.

Мне помогли подняться и довели до выхода. Наконец-то я полной грудью вдохнул влажный теплый воздух. Наверное, недавно прошел дождь, судя по мокрым плитам мостовой. Мне сразу стало легче. Я вышел на Штефансплац¹³ и повернул в сторону «Георгия и дракона».

¹² Лат. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа.

¹³ Нем. Площадь Святого Штефана.

В ожидании обещанных нам в хойригере белого, розового и красного, я поостерегся пить пиво и вытащил Марка из «Геоργия». Мы добрались до Зюйдбанхофа¹⁴ и сели на Шнельбан, то бишь местную электричку, в сторону Мёдлинга.

Мёдлинг оказался местом прелестным. Разноцветные домики, и почти у каждого – скульптура мадонны или святого, цветы на окнах, тихие улицы и совсем рядом предгорья Альп. Только вот плотность боевичков на душу населения здесь явно зашкаливала. Они были везде. На улицах, на площадях, в многочисленных открытых кафе и пабах. Я поморщился.

– Ну и выбрал же Якоб местечко! Может, мы зря с ним языки распустили? Первый раз видим человека! – возмутился Марк.

– Посмотрим, – вздохнул я. – Но будь начеку.

К нашему приходу в хойригере, то бишь открытом ресторанчике при винограднике, уже собрался народ, причем, не только зеленые студенты, но и люди посolidнее, возможно, буржуа. Я удивленно посмотрел на Якоба.

– Это мой отец позвал своих знакомых, – извиняющимся тоном объяснил тот. – Сказал, что им тоже интересно. Слышали, только что по телеку передали: Эммануил вошел в Моравию. Это же рядом с нами!

– Господь! – поправил я.

– Господь, – вздохнул Якоб.

Мы с Марком сели за столик. Солнце уже склонялось к закату, освещая влажные листья винограда, оплетавшего деревянные колонны и перекрытия. Свет отражался в каплях, и они загорались разноцветными искрами: чуть повернешься – и другие цвета – феерия заката.

Нам принесли по шницелю и бокалу красного. Шницель был воистину огромен и с трудом умещался на здоровой тарелке: аппетитный кусок мяса в поджаристой шкуре из муки и острый салат в качестве гарнира. А вино было таким ароматным, что обещало затмить «Kaiser Bier».

Я разрезал шницель и взял бокал.

– А, если этот ваш Эммануил захватит Австрию, это не приведет к повышению налогов?

Я поднял голову. Надо мной навис пухлый белобрысый бюргер и смотрел, как на оракула. Если бы один! Бюргеры плотной толпой окружили наш столик, слегка потеснив компанию Якоба, и я понял: не отвертеться! Поставил вино на стол, с сожалением положил вилку и вопросительно посмотрел на них.

– А не будет инфляции? – перебил другой.

– А свобода торговли?

– Всемирная Империя – это рай для торговцев и промышленников, – успокоил я. – Никаких границ! Никаких пошлин! Что же касается налогов, он их не повышал. В России он их снизил.

– На что же он ведет войну?

– Многие почитают за счастье умереть во имя Господа.

– Мы не хотим, чтобы наши дети умирали.

– Вас не заставляют, – вздохнул я. – Но, когда к власти приходит Господь, глупо сопротивляться. Его власть – благо для всех. И все в его власти. Это не пустые слова. Мы слишком много видели чудесного, когда были рядом с ним. Одним лишь словом он может воскресить ваши засохшие виноградники и сады и заставить цвести яблони среди зимы!

– Так он может восстановить виноградники после засухи? – недоверчиво поинтересовался пожилой бюргер, подозрительно похожий на Якоба. Верно, его отец.

– Конечно, – непринужденно ответил я. – Он разрушил огромное здание инквизиции одним мановением руки. А все ваши бедствия только от того что вы его еще не признали.

¹⁴ Нем. Южный вокзал.

Тут я заметил, что Марк преспокойно долопал свой шницель и принялся за мой. Я подивился, как столько пищи вмещается в общем-то не толстого Марка, но мне опять помешали прекратить это безобразие.

– Всемирная Империя? – переспросил один из друзей Якоба. – Мне больше по душе Всемирная Республика.

– Всемирная Республика? – я посмотрел на него, как на ребенка. – Всемирная Республика – это власть большинства. А, как говорил Сократ, «большинство не способно ни на великое добро, ни на великое зло, а творит, что попало». Неужели вам не надоели пустышки президенты и болтуны парламентарии? Вы привыкли жить, не замечая власти, и почитаете себя счастливыми, если она вам не мешает. «Никакой правитель – не худший вариант», – считаете вы. И вы уже забыли, что власть – это возможность улучшить мир. А, если она достается достойному, единственному достойному в этом мире, возможность превращается в реальность. Так что не бойтесь прихода того, кого веками ждали наши предки. Это не беда – это благословение! Мы живем в счастливое время – самое счастливое. Война – только эпизод, одна темная точка в океане света. Она скоро кончиться, потому что ни одно сердце не в силах сопротивляться величию Славы Божьей. И кто принял Его – не умрет вовек. И убитые воскреснут – я сам видел воскресения. Что ваши виноградники! Мы все будем возделывать один виноградник – виноградник Господа, который есть Мир.

Мне трудно говорить на публику, куда легче было вещать в «Георгии и драконе» для одного Якоба. Но я нашел в толпе вдохновенное лицо и стал ориентироваться на него. Молодое лицо. Наверное, одного из друзей Якоба.

– Я читал Кира Глориса, – сказал молодой человек. – Очень хорошо. Как откровение. Это правда Эммануил?

Я таинственно улыбнулся.

– Кто бы он ни был – книга лишь бледное отражение его самого. Она вас впечатлила? Умножьте это на тысячу, и вы увидите только бледную тень Господа.

Все как-то замолчали. Я взглянул на Марка. Он допивал мое вино, причем перед ним стояли еще два пустых бокала. Когда он успел, ума не приложу.

– А что ваш друг молчит? – раздался голос какого-то неисправимого скептика. – Что он знает об Эммануиле?

– Я умру за него! – проговорил Марк чуть заплетающимся языком и оглядел зал горящими глазами. И, кажется, это произвело большее впечатление, чем все мои разглагольствования. Зал затих.

На обратном пути до электрички мне чуть не пришлось тащить Марка на себе. Это при том, что я все-таки несколько субличнее. А он, сволочь, все порывался запеть и взмахнуть рукой, как актер на сцене. Я вздохнул с облегчением только, когда, наконец, усадил Марка на красный бархат (или что-то в этом роде) мягких сидений Шнельбана.

Когда на Зюйдбанхофе мы вышли из электрички, к нам сразу подвалили штук пять боевичков и потребовали документы. Если бы Марк был в рабочем состоянии, я бы послал их весьма далеко, даже не задумавшись. Но Марк был не функционален, и я счел за лучшее подчиниться. Эти самые долго изучали наши паспорта, сверяя тамошние фото с нашими физиономиями, и наконец приказали следовать за собой.

– Это почему? – возмутился я. – У нас все в порядке!

– Ваш друг пьян!

– Ну и что? С каких это пор Вена стала городом трезвенников?

– Ну и что? – вяло повторил Марк и с вызовом взглянул на боевичков мутными глазами.

– С тех пор, как к власти пришел Всеавстрийский Католический Союз, – спокойно пояснили мне, проигнорировав вопрос Марка. – Пошли!

И я покорно поплелся за боевичками, надеясь, что надолго это не затянется. А Марка так вовсе подхватили под руки. Нас довели до полицейского участка и там, вместо того, чтобы отпустить, погрузили в машину и привезли, куда бы это вы думали? Правильно. Тьфу, черт! С тех пор, как я услышал о новом пророке, я только и делал, что сидел в тюрьме!

На следующее утро Марк протрезвел и сосредоточенно курил в форточку, стоя на кровати у окна. Впрочем, это не спасало. Все равно табаком воняло на всю камеру. Вот напасть, оказаться в одной камере с курильщиком!

– Вот, если бы не твое пьянство! – начал упрекать я.

– Ха! Ты что действительно думаешь, что они отлавливают тех, кто навеселе, и развозят их по тюрьмам? Ерунда! Да эти ребята закладывают побольше моего.

– Так в чем же дело?

– Ты что еще не понял? – он зло стряхнул пепел прямо на одеяло. – Нас ждали. Именно нас. Нас кто-то выдал.

– Ну и кто?

– Да хоть твой любимый Якоб. Или дружки его. Или папочка. Или дружки папочки, – он пожал плечами и отвернулся к окну. Я вздохнул.

Глава 7

На следующее утро нас разбудили ни свет, ни заря, вытолкали из камеры и куда-то повели. В результате мы оказались в большой комнате с зарешеченным окном, освещенной противным утренним электричеством. Я взглянул на людей, сидевших перед нами за длинным широким столом и сразу все понял.

– Инквизиция, – шепнул я Марку. Он усмехнулся.

– А ты говорил «пьянство»!

Председательствующий, полный лысоватый человек в белой сутане, подпоясанной вервием, положил перед собой несерьезную какую-то бумажку, наполовину исписанную шариковой ручкой и начал читать.

– Ты, Петер Болотоф, и ты, Марк Шевтсов, обвиняетесь в ереси и пособничестве врагу католической церкви, гнусному еретику, именующему себя Эммануилом Первым и Господом. Мы объявляем вам, что сегодня на площади святого Штефана состоится святое аутодафе, и вы будете переданы светским властям для наказания.

– Но мы российские граждане! – воскликнул я. – Вы не имеете права! У нас дипломатические паспорта!

– Дипломатические паспорта, выданные Эммануилом? – усмехнулся инквизитор. – Его изображение сторит сегодня еще раньше вас.

– Но, где следствие? – не унимался я. – Где суд? Так не делают! – я посмотрел на Марка, ища поддержки. Он был спокоен, как десять танков.

– Следствие излишне, – жестко прервал лысоватый. – Для приспешников Эммануила – один приговор – смерть, и мы не собираемся откладывать его исполнение. Вы хотите исповедаться перед казнью? Это облегчит вашу участь. Костер будет заменен удушением.

– Костер???

– Не думаю, что светские власти будут столь милосердны, что прислушаются к нашей просьбе поступить с вами возможно более кротко, – усмехнулся инквизитор. – Но вряд ли они решатся на пролитие крови. Так вы собираетесь исповедоваться?

Я смешался. Уж больно не хотелось исповедоваться этим гадам. Но костер! О, Боже!

– Мы не будем исповедоваться ни одному священнику, не признающему Эммануила нашим Господом, – раздался ровный голос Марка. – Только Господь достоин выслушать наши исповеди. Мы поклялись служить ему, и он – наш государь и духовник.

Я уже открыл рот, чтобы немедленно возразить, чтобы выкрикнуть, что Марк не имеет никакого права решать за меня, что да, я непременно исповедуюсь. Но я взглянул на своего друга и промолчал.

Только, когда на нас стали надевать льняные балахоны с изображением мечущихся в огне бесов, Марк несколько потерял самообладание.

– Что это за маскарад? – пробурчал он.

– Это, кажется, санбенито, – вздохнул я. – Одежда осужденных на сожжение.

– А, – сразу успокоился Марк и взял в руки свечу.

Мне тоже пихнули зажженную свечу и она, признаться, несколько задрожала в моих руках.

– Не дрейфь, Петр, – тихо сказал Марк. – Смотреть тошно. Они торопятся, значит боятся.

– Чего? – обреченно спросил я.

– От страха ты совсем разучился соображать! Если позавчера Господь был в Моравии, как ты думаешь, где он теперь?

– Во всяком случае, не так близко, если они надеются провести аутодафе. Между прочим, долгая церемония.

– Ты маловер, Петр, как все интеллигенты. Если Эммануил – Господь, а мы – его апостолы, разве он позволит нам погибнуть?

– А ты знаешь, что стало с апостолами Христа?

– Что? – заинтересовался Марк.

– Они были казнены. Все, кроме Иоанна.

– Но не раньше, чем он сам, – жестко заметил Марк. – И они его предавали, – он выразительно посмотрел на меня, – а не он их.

Тем временем нас вывели на улицу и поставили в конце весьма внушительной процессии осужденных. Впрочем, свечи были только у нас, и остальные несчастные бросали на нас испуганно-сочувственные взгляды. Я облизал губы. Я не помнил, что означают эти самые свечки, но, явно, ничего хорошего.

За нами пристроились инквизиторы во главе с высоким парнем в лиловой мантии, и нас повели по улицам Вены. Над городом разливался благовест. Нежные голоса колоколов старинных церквей сплетались с басовитым пением Пуммерина, огромного колокола на башне святого Штефана. Пуммерин приближался. Нас вели туда.

Впереди, в толпе «примиряемых с церковью», я увидел несколько буржуа из хойригера и отца Якоба. Он шел босым, с непокрытой головой, и изредка бросал на меня косые взгляды. Самого Якоба и его анархистов не было. Верно, успели смыться.

Враги Господа просто посходили с ума. пытки! Казни! Сколько веков этого не было! Верно сам Бог-Отец лишал разума противников своего Сына, чтобы люди отвернулись от них, и его путь был легким.

На Штефансплац уже был выстроен помост с обезьянником, как в полицейском участке. Ясно – это для нас. У инквизиторов он назывался более романтично: «клетки для покаяния», но сути это не меняло. Рядом располагались кафедры для произнесения проповедей и чтения приговоров, а за помостом – два столба с заготовленными хворостом и дровами – будущие костры... Еще дальше – синий автобус с надписью «TV» и толпа журналистов. Я брезгливо поморщился.

– Марк, кажется, они собираются это транслировать.

– Кто бы сомневался! Но вот, что они будут транслировать, это мы еще посмотрим.

– Марк! Костры уже сложены! И один из них твой. Неужели ты еще надеешься?

Марк вздохнул.

– Костер не зажжен, и я еще не на костре.

Справа от помоста был возведен амфитеатр, ступеней в двадцать пять, покрытый коврами. Не иначе его притащили с ближайшего стадиона, а ковры – из оперы. Симметрично ему был выстроен еще один амфитеатр, вероятно, того же стадионного происхождения, но без ковров. И нас, то есть осужденных, рассадили там. Напротив расположились инквизиторы во главе с длинным парнем в лиловом (неужто Великим Инквизитором!). Туда же внесли знамя инквизиции, красное, бархатное с изображением меча, окруженного лавровым венком, и фигурой святого Доминика.

Началась обедня.

– In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, – произнес священник, и мне к горлу подступила тошнота, уже знакомая по собору святого Штефана, и голова слегка закружилась. Я посмотрел на Марка. Он был бледен. Возможно, чувствовал то же самое.

Хвала Господу, мессу довели только до евангелия. В этом месте епископ взошел на кафедру, и началась проповедь.

– Бог веками терпел наши беззакония, равнодушие к хуле на него и преступную снисходительность к еретикам. Но сегодня настал день гнева! Посмотрите на этих преступников, собранных здесь, как в долине Иосафата, когда Господь придет судить живых и мертвых...

– Он уже пришел! – выкрикнул Марк. – И, прежде всего, он будет судить вас!

Его тут же схватили приставленные к нему полицейские и усадили обратно на место.

– Молчи! Иначе мы заткнем тебе рот! – прикрикнули на него.

Марк усмехнулся.

– Вам недолго осталось!

– Марк, не надо! – взмолился я. – Мы все равно ничего не сможем сделать. Только хуже.

– Ладно, – Марк положил руку мне на плечо. – Только ради тебя.

Вдруг среди инквизиторов началось какое-то движение, слышались

взволнованные приглушенные разговоры, и Великий Инквизитор поднял худую руку и сделал оратору знак закругляться. Тот несколько расстроился, но закруглился, напоследок сравнив «Прекрасную Деву Инквизицию» с шатрами кедарскими и палатками соломоновыми. Стали объявлять приговоры. Для этого осужденных вводили в клетки и ставили на колени. «Примиряемым с церковью» назначили церковное покаяние сроком от трех до семи лет.

– Они и три дня не продержатся, – усмехнулся Марк.

Да, отцу Якоба и бюргерам можно было только позавидовать.

«В день Всех Святых, в праздник Рождества Христова, в праздник Сретения Господня и каждое воскресение великого поста обращенный обязывается присутствовать в соборе при церемонии в одной рубашке, босиком с руками, сложенными накрест, и принимает от епископа или пастора удар лозою, кроме Вербного воскресения, в которое будет разрешен. В Великую среду он опять должен будет явиться в собор и будет изгнан из церкви на все время поста, в которое обязан приходить к воротам церкви и стоять во все время богослужения. В Святой четверг станет на том же месте и будет снова разрешен. Каждое воскресение поста он входит в церковь в надежде разрешения и опять становится у врат церковных. На груди постоянно носит два креста цвета, отличного от платья».

Подумаешь! Тем более, что не сегодня-завтра здесь будет Господь и все отменит.

Настал наш черед. Нас с Марком тоже загнали в клетки и поставили на колени.

– Мы объявили и объявляем, – гласил приговор. – Что обвиняемые Петер Болотоф и Марк Шевтсов признаны еретиками, в силу чего наказаны отлучением и полной конфискацией имущества. Объявляем сверх того, что обвиняемые должны быть преданы, как мы их предаем, в руки светской власти, которую мы просим и убеждаем, как только можем, поступить с виновными милосердно и снисходительно».

И нас потащили на костры и привязали к шестам. Даже теперь Марк умудрялся не терять самообладания и смотрел на меня ободряюще. Перед нашими кострами был разложен еще один поменьше и без шеста. Его и подожгли в первую очередь.

Телевизионщики оживились и подкатили поближе, скользнув по нам любопытными глазами своих камер, и сосредоточились на маленьком костре. Там сжигали изображения еретиков, скрывавшихся от суда инквизиции. Первым вспыхнул портрет Эммануила, грубо намазанной черной краской на большом листе бумаги. Я даже не сразу узнал Господа. Ни его обаяния, ни величия – карлик с чужим злым лицом. Впрочем, мне было бы тяжелее, если бы изображение было похоже на оригинал. Пламя поднялось выше и отразилось в ультрасовременном стеклянном здании, построенном здесь для контраста со старинным собором, отразилось и распалось на квадраты стекол, как оцифрованная картинка.

Кажется, в этот момент я еще надеялся, что этим все и кончится, что ограничатся сожжением изображений, а нас отвяжут и отведут в тюрьму. Не сожгут же нас, в самом деле! Но я ошибся. Наши костры зажгли. От церковных свечей, под колокольный звон и крик: «Оглашенные изыдите!» Или мне это только послышалось? Я закашлялся от дыма, а стеклянное здание слева превратилось в одно оцифрованное пламя. Сквозь клубы дыма я попытался поймать взгляд Марка, как спасительный обломок корабля, как щепку, за которую хватается потерпевший кораблекрушение. Но моего друга уже не было видно.

Я уже терял сознание, когда послышался гул, инквизиторы, зеваки и телевизионщики бросились в рассыпную, и на площадь, бесцеремонно подминая амфитеатры с креслами и коврами, выползли танки. Первый из них остановился, направив ствол пушки прямо на флаг инквизиции, а на башне появился человек, одетый в камуфляжную форму. Высокий и властный, несколько не похожий на свое сгоревшее изображение. Он протянул руку в сторону костров, и пламя, шипя, осело, и вдруг исчезло совсем, оставив только тонкие струйки дыма. А из второго танка ловко выпрыгнул Якоб и бросился нас развязывать. Я чуть не упал ему на руки. Меня заботливо свели вниз, и Эммануил спокойно подошел ко мне и уже освобожденному Марку.

– Ну, что живы, шалопаи? – беззлобно поинтересовался Господь. – Ожогов нет?

Я мотнул головой.

– Нет... кажется.

А Марк преклонил перед ним колени и поцеловал руку.

– Прости меня, Господи, – тихо сказал он. – Я ни на грош не верил в наше спасение!

Господь улыбнулся, а я удивленно уставился на Марка.

«А, что же ты все время говорил?»

Он пожал плечами.

«Надо же было тебя подбодрить, труса несчастного!»

Эммануил поднял Марка и взглянул на потухшие костры.

– Им уже мало бескровной жертвы с хлебом и вином, – зло сказал он. – Жаркого захотелось!

Мне пришло в голову, что я виноват уж гораздо больше Марка, а стою перед Господом, как ни в чем не бывало, чуть не руки в карманы, и я тоже преклонил колени и поцеловал ему руку, а он помог мне подняться.

Флаг инквизиции был сорван, и теперь над площадью развивалось лазурное знамя с трехлучевым золотым знаком. Я сразу узнал этот символ. Его нам нарисовал Бессмертный Игнатий Лойола.

– Равви, что это такое, на знамени? – осторожно спросил я.

– Солнце правды, – улыбнулся Господь. – Символ спасения и возрождения мира, – и отправился к танку. Мы последовали за ним.

– В Хофбург¹⁵! – кратко приказал он, спускаясь в люк. И кивнул нам.

– Залезайте.

Мы въехали во внутренний двор императорского дворца «Хофбург» и остановились рядом со статуей императора Франца первого в римской тоге и с бакенбардами. Эммануил прыгнул на землю и резко приказал:

– Всем оставаться здесь. В музее ничего не трогать. Узнаю о мародерстве – головы поотрываю! Филипп, Петр, Марк, со мной!

Мы нырнули в ренессансные «Швейцарские» ворота с красно-серыми полосатыми колоннами.

– Здесь должен быть вход в сокровищницу, – спокойно пояснил Господь.

В сокровищнице он бросил рассеянный взгляд на корону Священной Римской Империи, императорские регалии, сплошь золотую геральдическую цепь ордена «Золотого руна» и уверенно направился к обитой красным бархатом подставке, на которой лежало копьё. Ничем особенно не примечательное копьё. Ну, верхняя часть лезвия обмотала золотой, серебряной и медной проволокой, ну два металлических голубиных крыла на древке, ну золотые кресты там же. Ну, и что? И далась Господу эта потемневшая от времени железка! Однако он, затаив дыхание, подошел к постаменту и простер над ним руки. Стекло витрина разлетелась вдребезги, как от взрыва, и Господь бережно взял копьё.

– Это Копьё Лонгина, Пьетрос! Я узнал его. Копьё Судьбы! Иногда его считают одной из пяти форм Грааля. Тот, кто держит это копьё – держит мир! Если бы не оно, на Австрию не стоило бы тратить времени.

С присущей ему скромностью Господь разместился ни в Императорском дворце и даже ни в загородной резиденции «Шенбруне», а всего лишь в Леопольдовском корпусе, бывшей резиденции президента.

Вечером того же дня он пригласил нас к себе. Разговор происходил в небольшой комнате, обставленной в старинном духе, с изысканными креслами и столиком, инкрустированным различными породами дерева. В высокое окно открывался вид на площадь героев и статую эрцгерцога Карла, на поднявшемся на дыбы коне и с копьём, устремленном в небо.

– Присаживайтесь, дорогие мои, – начал Господь. – Ну, рассказывайте о ваших приключениях.

Он слушал внимательно и не перебивал пока я не дошел до рассказа о странном поведении Лойолы.

– Он спрашивал вас о татуировках? – взволнованно переспросил равви.

– Да. Мы очень удивились. Что это значит?

– Потом объясню. Дальше!

Я рассказал о том, как святому стало плохо перед мессой, и он послал нас в Фуа к генералу ордена.

– По моим сведениям, Генерал ордена Иезуитов последние три месяца не покидал Штаб-квартиры ордена в Ватикане, – задумчиво проговорил Господь. – Впрочем, я перепроверю.

– В Фуа находится инквизиционная тюрьма. Я нашел это в Интеррете.

Господь тонко улыбнулся.

– Интересно.

Я перешел к рассказу о моем похищении и замке Монсальват. Равви заинтересовался еще больше.

– Ах, он старый пройдоха! – воскликнул Господь. – Значит, отправил вас к Плантару, прямо в белые рученьки! А не к Плантару – так к инквизиции. Хитрая бестия!

– Кто пройдоха? – не понял я.

¹⁵ Императорский дворец в Вене.

– Лойола, конечно. Фуа можно не проверять. Теперь я уверен, что там никогда и духа не было Генерала Иезуитов.

– А, кто этот Плантар?

– Мошенник, выдающий себя за потомка Христа, – Господь поморщился. – Ложь и ничего, кроме лжи. У Христа не было и не может быть потомков, и Меровинги не имеют ко мне никакого отношения. Их претензии на роль хранителей Грааля совершенно безосновательны. Есть только один человек, имеющий право обладать всеми формами Грааля. Не только человек.

Он улыбнулся.

– Марк, ты сможешь найти это место?

– Да.

– Покажешь, когда будем во Франции. Спасибо, что выручил этого растяпу.

Я надулся.

– Ладно, Пьетрос. Что было дальше?

– Мы поехали в Вену, как вы приказали. А там мне стало плохо во время мессы в соборе святого Штефана. Но это, наверное, не важно?

– Все важно. В какой момент тебе стало плохо?

– Во время евхаристического канона, когда священник поднял Святые Дары над алтарем, преклонил колено и произнес: «Accipite...»

– Не надо! Я понял. Я уже запретил евхаристию во всех подвластных мне странах. Вы должны были творить ее в воспоминание мое. Но я здесь, с вами. И теперь это похороны живого! Еще бы вам не становилось плохо от такого действия! – он вздохнул. – Ладно, продолжай!

И я поведал ему о знакомстве с Якобом, вечеринке в Мёдлинге и аресте.

– Ну, дальше вы знаете, – заключил я.

Господь кивнул.

– Господи, – робко поинтересовался я. – Вы хотели объяснить нам насчет татуировок.

– Ах, да! Пьетрос, дай мне руку. Правую.

Я подчинился. Господь ласково взял мою руку и медленно провел по ней ладонью от запястья до кончиков пальцев. Когда он убрал руку, я увидел на тыльной стороне своей ладони все тот же трехлучевой знак, но на этот раз черный и похожий на татуировку.

– Что это? – испуганно спросил я.

– Я уже объяснял. Это Знак Спасения. Я отмечаю им тех, кто достоин Нового Мира и Новой Земли, тех, кого я беру с собой в свое царство. Помнишь Апокалипсис? Да, нет, не помнишь, конечно. «И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живаго¹⁶». Это та самая печать. Радуйся, Пьетрос, ибо ты избран! Радуйся и ты, Марк! – я посмотрел на руки Марка. У него был тот же символ. Мне стало легко и радостно, и я благоговейно взглянул на Господа. Он улыбнулся, а потом вдруг стал серьезен. – Но не обольщайтесь, друзья мои. Знаки могут и исчезнуть. Это значит, что вы погибли. Вы живы, пока есть знаки на ваших руках. Храните их, следите за ними. Они – ваше спасение!

Я зачарованно смотрел на Господа, на его одухотворенное лицо, тонкие черты, сияющие глаза. Почему-то мне хотелось плакать. Говорят, это называется «умиление». Возможно, слезы уже текли по моим щекам. Я склонился и поцеловал ему край одежды. Он погладил меня по голове. Я взглянул на Марка. Кажется, он был в таком же состоянии.

Мы вышли из комнаты и пошли по коридору к себе. Здесь толпилось много народу, и у всех на руках были такие же знаки. Теперь я их видел и улыбался их обладателям, как своим.

¹⁶ Откровение, 7:2.

Здесь, в Леопольдовском корпусе, Господь написал несколько ультиматумов. Правительства европейских держав предлагалось добровольно признать власть Эммануила. Иначе их постигнет участь Польши, Чехии, Словакии и Австрии, стран, уже подвластных Господу.

«Это вопрос времени, – писал он. – Тот, кому власть принадлежит по праву, и праву первому и единственному, не может не стать царем – он царь от века. И я забочусь только о том, чтобы это произошло без крови и страданий. Вашей крови! Ваших страданий! Подумайте об этом и покоритесь!»

Австрия. Вена. Эммануил Спаситель».

Филипп только смотрел на это полными ужаса глазами и качал головой.

– Господи! – наконец не выдержал он. – Это безумие! Невозможно вести войну на десять фронтов.

Господь откинулся на спинку кресла, отложил бумагу и светло посмотрел на него.

– Филипп, в какой мы стране?

– В Австрии...

– Вот именно. Я все сказал.

Марк стоял рядом и тоже смотрел на Господа с некоторым недоверием, но не возражал.

Не прошло и недели, как мы выступили с войсками к границе Германии. Мы, то есть Господь, я, Марк и Филипп, ехали в джипе по отличному австрийскому автобану рядом с колонной танков. Вдоль дороги тянулись невысокие горы, поросшие сосновыми лесами, в долинах лежали туманы, белые, как облака. И я подумал, что только в таких таинственных местах могли быть созданы великие элегии и легенды об эльфах и гномах.

Однако мои друзья были настроены далеко не романтично.

– Так не ведут войну! – наконец решился высказаться Марк и с упреком посмотрел на Эммануила.

– Почему? – с невинным видом спросил тот.

– Нас просто разбомбят. Они пошлют авиацию, и за полчаса от нас останется мокрое место. Не было никакой подготовки. Аэродромы противника не уничтожены! Нужно было ликвидировать хотя бы основные стратегические объекты.

– Он всегда так воюет, – махнул рукой Филипп.

– Ну и что, безуспешно? – поинтересовался Эммануил.

– Это не занюханная Польша!

– Посмотрим. Кстати, Пьетрос, а ты как считаешь? Я неправильно веду войну?

– Я не военный, но по тем отрывочным сведениям, что я еще помню с университетских лет и по логике вещей – они правы. Лучше сбрасывать десанты на стратегические точки, и только после артподготовки. Война с линией фронта требует огромных ресурсов и приводит к слишком большим жертвам. Даже, если удастся победить – это будет пиррова победа. По крайней мере нас так учили, хотя это не было моим любимым предметом.

Господь покачал головой.

– Это не обычная война. И мне нужно всегда быть со своей армией. Только в этом случае мы добьемся успеха.

Послышался гул, и над лесом появились немецкие штурмовики. Много, очень много. С таким флотом можно было уничтожить три армии Эммануила. Филипп побледнел и укоризненно посмотрел на Господа. Марк сжал губы.

Но Эммануил улыбался спокойно и уверенно и, как ни странно, мне почти не было страшно. Он поднял руку и раскрыл ладонь, словно поддерживая невидимый груз.

Снаряды разорвались веером вокруг нас, словно оттолкнувшись от чего-то в воздухе над нами, слишком далеко, чтобы нанести вред. Только глубокие воронки обезобразили таинственные германские горы.

– Медленнее, медленнее, – приказал Эммануил шоферу и встал в машине, как живая цель. Но вражеские летчики словно ослепли. Снаряды летели куда угодно, но только не в нашем направлении. Было еще несколько налетов, и с тем же результатом. Нет, летчики не ослепли. Зато сошли с ума законы физики, и бомбы летели вовсе не туда, куда им велел закон всемирного тяготения и системы наведения.

Я посмотрел на Эммануила.

– Я властен над собственными законами, Пьетрос, – ответил он на мои мысли.

Мимо проплыло полуразрушенное здание таможи. Только что разрушенное. На шоссе засверкали осколки стекла.

– Туда ей и дорога! – усмехнулся Господь. – В новом мире не будет границ.

Мы повернули. И за поворотом, на холме, увидели вражеские танки, выстроенные для атаки. Раздался залп и, как обычно, не причинил нам вреда.

– Остановиться и развернуться, – приказал Господь и спрыгнул на асфальт.

Я помню скрежет гусениц танков, грохот рвущихся в небе снарядов и вдохновенное лицо Господа.

– Слушайте! – он сказал это негромко, но я был уверен, что они услышали. Я знал, что голос его разнесся над немецкими холмами без мегафона и радиопередатчика. Я знал это, потому что все замолкло. – Слушайте, ибо я Господь Бог ваш, Господин Вселенной. Ваше глупое сопротивление не принесет вам ничего, кроме страданий. Сдайтесь, чтобы быть спасенными!

Раздался залп. Столь же бессмысленный, как и предыдущие.

Эммануил забрался на башню танка и продолжил, как ни в чем ни бывало:

– Не все имеют уши! Не все способны услышать слово господне. Гордыня и жажда власти слишком громко говорят в иных сердцах. Но солдаты! Вы мудрее своих командиров, потому что ваш слух чище и свободнее. Смотрите: вот я, и вы не в силах причинить мне вреда.

Казалось, они колебались. Ждали, минут пятнадцать. Или офицеры убеждали непокорных солдат? И Эммануил ждал, стоя на своей железной трибуне. И легкий ветер трепал его волосы.

Но залп раздался. Я уже был тверд и без страха смотрел на дула пушек. Наш Господь был много сильнее без всякого оружия, стоя неподвижно с руками, сложенными на груди. Только глупое человеческое упрямство не давало немецкой армии сложить оружие. Они же тоже все видели!

– Ну, что же, – сказал Господь. – Каждый делает свой выбор. Филипп, командуй!

Мы не долго прицеливались. Стреляли почти в упор. Все одновременно. И я увидел горящие танки, превращенные в горы покореженного железа.

– А теперь поехали! – скомандовал Эммануил. – И мы медленно двинулись вперед.

Вражеская армия отступала, точнее бежала беспорядочно и панически, как от лесного огня или, скорее, неведомого зверя, страшного в своей таинственности. Инфернальный ужас, даже не страх!

У вражеских позиций Эммануил спрыгнул на землю. И пошел мимо искореженного обгоревшего металла и обезображенных окровавленных тел.

– Стойте! – крикнул он отступающим. – Стойте, я приказываю!

И они остановились, словно не в силах сопротивляться. Эммануил дошел до первого живого и взял его за руку, а потом обнял за плечи.

– Стойте, – повторил он. – Идите сюда. Эта земля объявляется землей Великой Империи. И здесь, в этом месте, моя армия встанет лагерем. Вы же можете получить прощение и присоединиться к нам. Те, кто хочет принести покаяние, должны собраться сегодня вечером в этой долине, встать на колени и зажечь свечу. Я не буду вас уговаривать, вы сами все видели. Но до шести часов вечера никто не покинет этого места. Я хочу, чтобы вы подумали, а не при-

нимали скоропалительных решений. Потом – ваш выбор. Но помните, когда Империя станет всемирной, вам будет некуда бежать. Филипп!..

Несколько часов разбивали лагерь. Ставили палатки, натягивали сетку. Заняли соседнюю военную базу с аэродромом. Заняли без единого выстрела (в общем-то, там уже никого не было).

А незадолго до заката я пошел немного размять ноги. Просто устал от окружающего меня и проникающего повсюду немецкого языка.

Как меня занесло на это место! Месиво кровавой плоти и обгоревшего металла. Ужас и отвращение! Отвращение и ужас!

Я почувствовал на плече чью-то руку и оглянулся. Это был Эммануил. Я отступил на шаг.

– Они же уже почти готовы были подчиниться. Зачем ты убил их?

– «Уже почти готовы»! Слишком незавершенно... Они, как те зерна, что не дадут плода, пока не умрут. Они умерли, чтобы другие были спасены. Иначе никто так бы и не поверил, что я могу применить оружие. Тогда зачем подчиняться? Должен быть страх божий, Пьетрос. Страх божий

– начало всего. Они умерли, но подумай, что значит человеческая смерть. Только сбрасывание оболочки. Эпизод для бессмертной души. Миг мучительный, но неизбежный. И, если они действительно раскаялись в этот миг и приняли меня в своем сердце – это значит, что они спасены и их смерть – благо. Ты видишь оторванные конечности, разорванные тела, это кровавое месиво? Это обман, Пьетрос, заблуждение человека, заключенного в границах материального. Вырвись в высшую реальность, Пьетрос, живи в двух мирах – и ты никогда не умрешь, и смерть чужая предстанет для тебя в совсем другом свете. Что кровь на твоих сапогах? Опавшие листья! Но дерево растет, и ветви тянутся к небу. Не бойся мертвой плоти, по которой мы идем. Она – лишь миг, а душа человеческая старше Земли. И звезды – бабочки-однодневки по сравнению с нею. Пойдем!

Мы приблизились к военному лагерю, и я увидел море свечей в долине под угасающим небом.

– Смотри, они пришли ко мне, те, кто меня принял. Пойдем же к ним!

Солдаты и офицеры вражеской армии стояли на коленях, и держали свечи. Господь подходил к каждому из них и для каждого находил слово прощения. Он касался рукою его плеча и говорил: «Встань!» И тот вставал, и на руке у него появлялся черный Знак Спасения. Так продолжалось до рассвета, пока Господь не простил последнего врага, а теперь преданного друга. Тогда он вернулся в свою палатку и упал без сил.

Наш путь лежал в сторону Мюнхена. Потом – Берлин. Немцы успели неплохо подготовиться к войне и оказывали сопротивление. Но с каждым разом более слабое. Тот первый наш залп сделал свое дело. Мы прошли почти полстраны, пока понадобился второй. Но он был более милосерден.

Учитель всегда старался быть на передовой, в самой гуще сражения. Он стоял на башне танка, и пули не трогали его. Он поднимал руку, и снаряды врага останавливались и разрывались в воздухе, никому не причиняя вреда. Он говорил с войсками противника, и они переходили на его сторону. Он принимал всех, требуя лишь принесения покаяния от своих бывших врагов. И часто под вечер в нашем лагере можно было видеть стоящих на коленях и держащих свечи солдат в форме враждебной армии. Господь обходил всех и каждому в отдельности давал разрешение встать, и на руке прощенного неизменно появлялся трехлучевой символ спасения.

Но Учитель не мог быть везде. Линия фронта протянулась на многие километры с севера на юг, словно шрам на теле Европы, и там война велась обычными методами. Через месяц мы были в Берлине, но он очень пострадал от бомбардировок, что чрезвычайно расстроило Господа. Как и везде, он оставил здесь верное ему правительство и двинулся дальше на юг и запад. Впереди были Бельгия и Франция.

В Брюсселе мы узнали о безумной идее Европейского Военного Союза применить против нас ядерное оружие.

– Здесь? Никогда! – усмехнулся Господь. – Брюссель, Амьен, Реймс, Париж! Они все собираются эвакуировать?

Через несколько дней мы были в Шампани. Угроза пока оставалась угрозой. Да и возможно ли это в перенаселенной Европе, где через каждые пару километров деревня, поселок или маленький город, не говоря уже о близости Парижа.

Двадцатого августа мы без единого выстрела вошли в Париж. Здесь нас встретил Иван Штаркман, весьма довольный своей миссией, а через несколько дней из Норвегии вернулся Матвей, что очень не понравилось Господу. Он уже было собирался немедленно послать нерадивого апостола обратно, но тот заявил, что никуда не поедет, пока не решится вопрос с ядерными бомбардировками, потому что хочет либо жить со своим Господом, либо умереть вместе с ним.

– Хорошо, – улыбнулся Эммануил. – Это твой выбор.

И Матвей остался в Париже. Жизнь города практически не изменилась со сменой власти. Я с удовольствием за полдня обегал половину Лувра, любуясь многочисленными французскими и итальянскими полотнами и встретив насмешливый, если не сказать издевательский, взгляд Иоанна Крестителя с улыбкой, как у Джоконды. Странный Креститель Леонардо, переделанный из Диониса.

Меня не хватило только на крыло Ришелье, я не добрался только до фламандцев. Правда, заглянул на следующий день в Орсе и Помпиду. А потом было уже не до музеев. Господь принимал присягу местного духовенства и хотел всех нас видеть рядом с собой.

Это происходило в Нотр-Дам в конце августа. Здесь же в таинственной полутьме под синими витражами была отменена евхаристия во всех церквях Франции.

В тот же день вечером мы слышали по радио о том, что Европейский Военный Союз обратился за помощью к Североамериканским Штатам. Опять шла речь о ядерном оружии. На этот раз обсуждался вопрос о сбрасывании нейтронных бомб. Европейцы относились к идее без энтузиазма, зато американцы рвались в бой.

– Он захватит весь мир, если ему не помешать, – вещал госсекретарь. – И нет смысла бояться русского ответа. Когда Эммануил умрет, некому будет продолжить войну. Он – единственное зло, и на нем все держится.

В последнем он был, пожалуй, прав. Хотя, не знаю. Я представил себе смерть Господа, и мне стало страшно. Это было слишком страшно, чтобы представить.

В Париже, однако мы чувствовали себя в безопасности. Радио и телевизионные станции Господа вещали на весь мир, готовя его приход на западе, востоке, севере и юге. Шла информационная война, не менее беспощадная, чем война с помощью оружия. И пока мы побеждали.

Я ходил по улицам города, его магазинам, музеям, открытым кафе, и везде у большинства людей я видел знак на правой руке. На тех, у кого знака не было, смотрели, как на отщепенцев и советовали немедленно принести покаяние. Теперь это можно было сделать в любой церкви, священник которой присягнул Господу. И символ спасения неизменно появлялся. В нейтронные бомбы, похоже, никто не верил. Разве что те, кто отказался от присяги. Но таких было немного.

В начале сентября мы покинули этот благословенный город и отправились на юг. Мимо плыли виноградники и замки Бургундии, белокаменные, окруженные рвом, словно растущие из воды; деревни на холмах с неизменной Eglise Romane и желтоватыми домиками под черепичными крышами. Мы приближались к Шаону-на-Саоне, когда Господь получил официальный ультиматум от Европейского Военного Союза и Североамериканских Штатов и зажег от него свечку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.